PG 3337
.M38 T4

1829

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Изъ книгъ К. Александровъ
[Masal'skiĭ, Konstantin Petrovich]

ТЕРПИ КОЗАКЪ, АТАМАНЪ БУДЕШЬ.

СТИХОТВОРНАЯ ПОВѢСТЬ.

J'ai beau vous arrêter, ma remontrance est vaine,
Allez, partez, mes vers....

BOILEAU.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1829.

PG3337
M38T4
1829

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Апрѣля 6, 1829.

Ценсоръ О. Сенковскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Сочинитель сей повѣсти желаетъ остаться неизвѣстнымъ. Издатель оной долгомъ поставляетъ поручиться честію предъ почтеннѣйшими читателями, что въ семъ сочиненіи нѣтъ ни одной строки, заключающей въ себѣ какую нибудь личность. Мѣста повѣсти, означенныя звѣздочками, содержатъ въ себѣ выраженія или мысли нѣкоторыхъ изъ отличнѣйшихъ писателей нашихъ. Впрочемъ всѣ сіи немногія мѣста, какъ увидятъ сами читатели, нельзя назвать подражаніями; ибо онѣ писаны съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы напоминать о произведеніяхъ, составляющихъ славу Русской Словесности. Мѣста сіи, вѣроятно, будутъ пріятны для всякаго любителя отечественной Литературы. Издатель болѣе ничего не хочетъ и не смѣетъ сказать о повѣсти; ибо право литературнаго суда принадлежитъ просвѣщенной публикѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I.	Совѣтникъ	1
II.	Дача	3
III.	Тузъ	5
IV.	Капитанъ	8
V.	Кофейный домъ	12
VI.	Свиданіе	13
VII.	Помѣщикъ	16
VIII.	Георгіевскій Кавалеръ	18
IX.	Другой Кавалеръ	20
X.	Вдова	23
XI.	Неожиданное посѣщеніе	25
XII.	Взморье	30
XIII.	Гости	31
XIV.	Фейерверкъ	33
XV.	Осень	36
XVI.	Горестная вѣсть	40
XVII.	Совѣщаніе	42
XVIII.	Выговоръ	48
XIX.	Опасность критики	50
XX.	Издатель журнала	51
XXI.	Альманахъ	54
XXII.	Ссора	56
XXIII.	Поединокъ	60
XXIV.	Похороны	64
XXV.	Весна	67
XXVI.	Тріумвиратъ	71
XXVII.	Ходатайство	76
XXVIII.	Визиты	80
XXIX.	Допросы	82
XXX.	Новая бѣда	90
XXXI.	Безуспѣшность	91
XXXII.	Послѣднія средства	93
XXXIII.	Записка	95

Стран.

XXXIV. Сватъ 98
XXXV. Недоразумѣніе 101
XXXVI. Нежданый гость 104
XXXVII. Перемѣна обстоятельствъ 106
XXXVIII. Новость 109
XXXIX. Угощеніе 111
XL. Подарокъ 113
XLI. Консиліумъ 116
XLII. Выздоровленіе 121
XLIII. Наѣздники 122
XLIV. Буря 124
XLV. Поправка 126
XLVI. Новый Тезей 127
XLVII. Письмо 129
XLVIII. Нищій 131
XLIX. Улика 136
L. Концертъ 139
LI. Разныя извѣстія 141
LII. Толки 143

Опечатка.

На стр. 86 въ строкѣ 2-й съ низу, послѣ слова *когда бы* пропущено: вы.

ТЕРПИ КОЗАКЪ, АТАМАНЪ БУДЕШЬ.

I. СОВѢТНИКЪ.

Возможетъ ли Поэзіи рѣзецъ
Изобразить Елагинскій дворецъ,
Когда онъ, мѣсяца лучами освѣщенный,
Въ кристалъ Невы глядяся голубой,
Любуется собой?
Рѣшеткой легкою, какъ блондой, окруженный,
Вокругъ дворца прелестный виденъ садъ,
Гдѣ вѣтерокъ разноситъ ароматъ,
Надъ рядомъ цвѣтниковъ порхая;
Гдѣ извилась дорожка золотая
По изумрудной муравѣ.
Здѣсь лѣстница спускается къ Невѣ;
Тамъ яхта, золотомъ блистая,

Гордится флагомъ: два крыла
Чернѣются на немъ двуглаваго орла.

Темнѣло. Ужъ толпы гуляющихъ рѣдѣли;
Тянулись гусемъ всѣ домой.
Вотъ лавочникъ съ дородною женой,
Вотъ нищій въ фризовой шинели
И франтъ въ плащѣ; за нимъ мастеровой.
Мелькаютъ дрожки и кареты.
Идетъ Квартальный, тамъ кадеты,
Тамъ дальше блещутъ эполеты;
Тамъ шляпки, и чепцы, и пестрота, и смѣсь;
Всего же болѣе вездѣ встрѣчаешь спесь.
Елагинъ опустѣлъ; лишь на скамьѣ сидѣли
Два чудака.
Зеленые два полусюртука
Ихъ отъ росы холодной грѣли.
Вотъ встали со скамьи, идутъ;
Ужъ миновали прудъ
И черезъ мостъ прошли. Дорожкой межъ акацій
Спѣшатъ они достигнуть Колтовской,
Подъ кровъ смиренный и простой,
Гдѣ съ Музами хозяинъ, какъ Горацій,
Спокойно вѣкъ проводитъ свой.

Совѣтникомъ въ Палатѣ Уголовной
Модестъ Правдинъ служилъ.
Не выгоды, не блескъ плѣнялъ его чиновный;
Онъ лести не терпѣлъ, душею не кривилъ.
Честь, долгъ, любовь къ Царю, законъ и польза ближнихъ
Руководили имъ. Онъ сильнымъ не спускалъ,
И не тѣснилъ въ угоду высшимъ нижнихъ.
Въ немъ правый вѣрную защиту обрѣталъ.
Ужъ много разъ и клевета и злоба
Искали гибели его;
Онъ не страшился ничего,
И чести далъ обѣтъ не измѣнить до гроба.

II. ДАЧА.

На Невскомъ берегу, близь Ждановки смиренной,
Стоялъ, весь садомъ окруженный,
Красивый домикъ Правдина.
Бесѣдка на холмѣ въ саду была видна;
Предъ окнами былъ плотъ съ миніатюрной шлюпкой;
Хозяинъ звалъ ее Скорлупкой.
Съ крыльца изъ сада входъ былъ въ залъ,
Который сходствовалъ съ оранжереей длинной.

Отдѣлки мастерской, старинной,
Являлся на стѣнахъ видъ Царскаго Села.
Въ верьхъ лѣстница, въ углу извившись, шла,
И прямо въ кабинетъ. Стоитъ по серединѣ,
Подъ грузомъ книгъ и дѣлъ, сукномъ обитый столъ;
Вотъ здѣсь диванъ; часы изъ бронзы на каминѣ;
Узорчатымъ ковромъ весь устланъ полъ;
Разставлены вдоль стѣнъ съ богатствомъ книжнымъ шкафы;
Изображенія изъ мрамора на нихъ
Гомера, Гезіода, Сафы,
Сократа и другихъ
Лицъ историческихъ и древнихъ и новѣйшихъ;
Блистаютъ въ рамкахъ богатѣйшихъ
Два зеркала большія на стѣнѣ;
Душистые цвѣты пестрѣютъ на окнѣ.
Вотъ дверь въ гостиную. Но право нѣтъ охоты
Теперь описывать. Читатель насъ проститъ.
Въ гостиной на заливъ хорошъ изъ оконъ видъ,
Да флигель Тишнера работы;
Еще весьма красивъ паркетъ,
А впрочемъ ничего особеннаго нѣтъ.

Ш. ТУЗЪ.

Подробно вамъ описанъ домъ,
Нашъ снисходительный читатель;
Но вамъ хозяинъ незнакомъ.
Ужъ онъ теперь не тотъ мечтатель
И вѣтреникъ, что прежде былъ;
Давно съ большимъ простился свѣтомъ,
Науки страстно полюбилъ
И сдѣлался Анахоретомъ.
Прошло лѣтъ десять съ той поры,
Какъ онъ пустился въ вихорь свѣта
Съ порога Университета.
Бывало зналъ одни обѣды, да пиры,
И не сходилъ долой съ паркета.
Еще въ младенчествѣ лишился онъ отца
И матери; былъ дядѣ всѣмъ обязанъ,
И къ старику всегда, какъ сынъ, онъ былъ привязанъ.

У Богатонова купца
Случилось Правдину однажды быть на балѣ.
Досыта навертѣвшись въ залѣ,
Онъ вышелъ отдохнуть въ диванную. Кипѣлъ
Давно тамъ жаркій бой. Въ рукѣ дрожащій мѣлъ

Разнообразные узоры
Чертилъ на зелени полей,
И двигались по нимъ холмы и горы
Червонцевъ и рублей.
Тамъ на одномъ столѣ на лѣво и на право
Листочки падали. Банкиръ торжествовалъ.
(Ужъ тысячь сто онъ наигралъ.)
»Валетъ убитъ? Ну браво!
Въ четвертый только разъ!
Но, господа, ужъ третій часъ,
Пора бы кончить! Иль пожалуй
Еще мечу! Я право добрый малой!«
Межъ тѣмъ, блѣднѣе мертвецовъ,
Вокругъ стола сидѣлъ кружокъ купцовъ
И разныхъ игроковъ, гражданскихъ и военныхъ,
Съ унылымъ видомъ побѣжденныхъ.
Горѣли жадностью и злобой ихъ глаза.
Правдинъ, для шалости, поставилъ на туза
Цѣлковый. Банкометъ, отдвинувъ прочь, прибавилъ:
Я важныхъ суммъ не бью.
Уколотый Правдинъ пятьсотъ рублей поставилъ.
»Прошу васъ карту бить мою.«
— Модестъ! Ну чтобъ теперь твой дядя
Сказалъ, на эту глупость глядя? —

Шепнула совѣсть Правдину.
— Лишь жалованьемъ жить, и ставить
Пятьсотъ рублей, и на одну!..
Но отъ дурачества тебя ужъ не избавить. —
И вотъ Правдинъ, съ волненьемъ тайнымъ,
На карты устремя глаза,
Нетерпѣливо ждетъ туза.
Идутъ порядкомъ обычайнымъ
Валеты, дамы, короли,
И движутъ по столу рубли.
Тузъ взялъ! Пятьсотъ рублей въ карманѣ!
— Но лучше уголокъ загнуть. —
Корыстолюбіе успѣло тутъ шепнуть.
Въ какомъ-то гибельномъ туманѣ
Разсудокъ Правдина. Какъ будто бы сквозь сонъ,
За картой карту ставитъ онъ.
Ужъ десять тысячь взялъ онъ плѣнныхъ.
Дрожитъ, блѣднѣя, банкометъ.
— Уже ль для выгодъ ты презрѣнныхъ
Забудешь честь твою? Нѣтъ, нѣтъ! —
Заговорила громко совѣсть
Въ душѣ высокой Правдина.
Хоть въ этомъ мѣстѣ наша повѣсть
Не всѣмъ покажется вѣрна,

Однакожъ то извѣстно точно,
(Придетъ же эдакой капризъ!)
Что вдругъ на даму весь свой призъ
Правдинъ поставилъ, и нарочно,
Чтобъ проиграть. Но какъ ни бился,
Не могъ онъ проиграть никакъ,
И до того догорячился,
Что цѣлый банкъ сорвалъ, — чудакъ!

IV. КАПИТАНЪ.

Правдинъ выходитъ въ залъ.
Тамъ былъ ужъ прямо пиръ горою!
Шампанское лилось рѣкою;
Хозяинъ козачка въ восторгѣ заплясалъ
Съ какимъ-то полновѣснымъ кумомъ.
Весь полъ дрожалъ!
Съ ужаснымъ, нестерпимымъ шумомъ
Имъ аплодируютъ. Чуть не оглохъ Правдинъ,
И спасся въ отдаленный
Покой, гдѣ былъ одинъ
Какой-то Офицеръ. Онъ, въ мысли погруженный,
Стоялъ, опершись о каминъ.

Правдинъ.

Вы вѣрно удалились
Сюда, какъ я же, отдохнуть?

Офицеръ.

Да. Слишкомъ ужъ развеселились!
Здѣсь поспокойнѣе. При томъ ужасно грудь
Тѣснитъ.

Правдинъ.

Конечно простудились.
Однако жъ очень вы блѣдны.
Совѣтъ бы мой: скорѣй въ постелю,
Да выпить бузины.

Офицеръ.

О, ничего! Меня не будетъ чрезъ недѣлю!
Мы умереть должны жъ когда нибудь.

Правдинъ.

Помилуйте! Бѣда великая, что грудь
Болитъ! Къ чему такъ мрачно мыслить!
Одна лишь смерть на свѣтѣ есть,
Болѣзней же не перечислить.
Позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь....

Офицеръ.

Мечинскій, Капитанъ.

Правдинъ.

Мнѣ было бы пріятно,
Когда бъ довѣренность могъ вашу заслужить.

Офицеръ.

Я ужъ сказалъ, что вѣроятно
Не долго мнѣ осталось жить.

Правдинъ.

Вы удивляете меня. Чистосердечность
Навѣрно васъ не оскорбитъ;
Мнѣ въ томъ ручается вашъ благородный видъ.
Шагнуть охота ваша въ вѣчность,
По чести, мнѣ смѣшна!

Офицеръ.

Конечно я смѣшенъ. Но если бъ глубина
Моей души могла вамъ быть видна;
Меня жалѣть бы стали.

Правдинъ.

Ахъ, какъ желалъ бы я,
Чтобъ съ вами были мы давно уже друзья,
И чтобы могъ я васъ избавить отъ печали.

Офицеръ.

Со мной умретъ печаль моя!
Смерть прекратитъ мое страданье!...
Благодарю за доброе желанье!
Но поздно! Кончено! Прощайте! Мнѣ пора.

И съ чувствомъ Правдину пожалъ Мечинскій руку,
Какъ бы прощаясь съ нимъ на вѣчную разлуку.
Правдинъ задумался. Вотъ слышитъ со двора
Стукъ дрожекъ. Сердце въ немъ забилось
И состраданіе живое пробудилось.
Невольно онъ вскочилъ и отворилъ окно,
Исполненный какого-то волненья.
На улицѣ все тихо и темно;
Лишь несся дрожекъ стукъ изъ отдаленья.

V. КОФЕЙНЫЙ ДОМЪ.

Гулялъ по Невскому Правдинъ. Вдругъ дождь и громъ
Его загнали съ тротуара
Въ кофейный домъ.
За шоколадомъ тамъ сидѣли два гусара.
Вблизи отъ нихъ, за Сѣверной Пчелой,
Купецъ довольно пожилой
Плѣнялъ глаза сибиркой сѣрой,
И чтенія плоды онъ запивалъ мадерой.
Съ журналомъ des Débats заморскій спекулантъ
Въ политикѣ свой изощрялъ талантъ.
Какъ видно, занятъ былъ важнѣйшимъ онъ вопросомъ,
И покраснѣвшимъ, длиннымъ носомъ
На пуншъ и на журналъ навелъ густую тѣнь.
— Заѣхалъ я вчерашній день
Къ Мечинскому. — Сказалъ гусаръ другому.
— Не понимаю я, какъ мудрецу такому
Имѣнье вздумалось до нитки проиграть.
Хитрецкій банкъ металъ, и тысячь девяносто
Успѣлъ съ Мечинскаго сорвать. —
»Что жъ! Это очень просто.«
Прервалъ другой гусаръ. »Хитрецкій давній плутъ!
Не досмотри, такъ штуки и пойдутъ.

Однакожъ молодца порядкомъ проучили;
Меня знакомый увѣрялъ,
Что цѣлый банкъ тогда жъ Хитрецкій потерялъ.
Сорвалъ Правдинъ какой-то, говорили.«
Внимательный другихъ примѣтя взоръ,
Они прервали разговоръ.

VI. СВИДАНІЕ.

Пробило шесть часовъ на штицѣ крѣпостномъ,
А ужъ Правдинъ нашелъ тотъ домъ,
Гдѣ жилъ Мечинскій. Въ дверь стучится
И сквозь нее онъ съ деньщикомъ бранится.
— Какого лѣшаго такъ рано принесло?
Еще не разсвѣло! —
Ворчитъ за дверью басъ. »Да отвори, проклятый!«
И съ заспанымъ лицемъ встрѣчаетъ Правдина
Аршина въ три солдатъ усатый.
»Что, дома Капитанъ?« — Вотъ-на!
Да онъ, я чай, еще въ постелѣ. —
»Мнѣ нужно говорить объ очень важномъ дѣлѣ.«
Сказалъ Правдинъ, и прямо въ кабинетъ.
Спитъ, сидя у стола, Мечинскій за бумагой;

На креслахъ близь него лежитъ подъ шпагой,
Съ куркомъ взведеннымъ, пистолетъ.
Лице уснувшаго изображаетъ муку.
И на плечо тихонько руку
Модестъ ему кладетъ. Открылъ глаза онъ вдругъ.

Правдинъ.

Мечинскій! Здравствуйте! Вашъ другъ
Пришелъ утѣшить васъ въ печали.
Я знаю все, мнѣ все пересказали.

Мечинскій.

Все знаете? За чѣмъ же вы ко мнѣ?
Когда вамъ все уже извѣстно,
То я прошу меня оставить въ тишинѣ!
Шутить теперь со мной довольно неумѣстно!

Правдинъ.

Я не шутить пришелъ, я вамъ пришелъ помочь.

Мечинскій.

Ужъ не совѣтами ль? Довольно надавали!
Я счастливъ былъ! Друзья меня ласкали.
Я гибну! Всѣ подальше прочь.

Правдинъ.

Скажите мнѣ. Вы проиграли .....

Мечинскій.

Ну проигралъ! Какое дѣло вамъ!
Отвѣтъ за то не вы, я дамъ!
Узнайте жъ все! Имѣнье полковое
Я тоже проигралъ.
Оставьте же меня въ покоѣ:
Три ночи сряду я не спалъ.
Ну что жъ еще? Иль упрекать хотите?

Правдинъ.

Вотъ весь вашъ проигрышъ. Возьмите,
И не меня, Творца благодарите!
Любви ко ближнимъ Онъ
Установилъ законъ.

Какъ будто громомъ пораженъ,
Окаменѣвъ отъ изумленья,
Мечинскій устремилъ глаза на Правдина.
И сильно грудь его вздымалась, стѣснена
Порывомъ чувствъ и умиленья.
Вдругъ слезы у него рѣкою полились,

И оба бросились въ объятья,
И крѣпко, крѣпко обнялись!
Нѣтъ! Никогда и братья,
Изъ дѣтства дружные, не обнимались такъ,
Разставшися въ сраженьи
И снова свидѣвшись, когда бѣжитъ ужъ врагъ
И Русское ура несется въ отдаленьи.

VII. ПОМѢЩИКЪ.

Когда прошелъ у нихъ восторга первый пылъ,
И обнимать они другъ друга поустали;
— Скажите, что вы тутъ писали? —
Модестъ Мечинскаго спросилъ.
»Письмо къ Змѣянову. Онъ родственникъ мнѣ близкой.«
Мечинскій отвѣчалъ. »Хотя души въ немъ нѣтъ,
За то пять тысячь душъ ему оставилъ дѣдъ.
Все, что развратно, подло, низко,
Все въ немъ найдете вы.
Извѣстенъ онъ всѣмъ жителямъ Москвы.
Тамъ зиму каждую даетъ пиры и балы,
И занятъ картами. Шампанскаго бокалы
Пріобрѣли ему обширный кругъ друзей,

Изъ столбовыхъ Дворянъ и Графовъ и Князей.
На лѣто онъ въ деревни уѣзжаетъ,
Гдѣ роскошь вредную усердно истребляетъ;
Гдѣ копитъ, чтобы все зимою расточить.
Грозились разъ надъ нимъ опеку учредить:
Изъ дѣвушекъ въ селѣ завелъ балетъ домашній!
Однакожъ врагъ его всегдашній,
Исправникъ, по пусту перо свое вострилъ:
Змѣяновъ напоилъ, подсунулъ, побѣдилъ.
Дѣдъ завѣщалъ ему словесно
Семь сотъ мнѣ душъ немедля отдѣлить;
Но какъ иначе могъ Змѣяновъ поступить,
Какъ не безчестно?
Пять тысячь душъ онъ взялъ, мнѣ жъ не далъ ничего!
Недавно я просилъ пособія его,
Чтобы на дѣвушкѣ, любимой мною страстно,
Жениться могъ я. Но напрасно
Я умолялъ его всѣмъ, что святаго есть.
И человѣчество и честь
Ему давно ужъ стали чужды!
Межъ тѣмъ со всѣхъ сторонъ меня тѣснили нужды;
Любовь меня съ ума свела!
Я клялся Софьи быть супругомъ,
И страсть меня въ ту бездну увлекла,

Откуда я спасенъ великодушнымъ другомъ.
Въ письмѣ къ Змѣянову я все открыть хотѣлъ;
Но если бы его растрогать не успѣлъ
И мой позоръ открылся,
Я честь и жизнь — все вмѣстѣ потерять
Рѣшился!
Но къ жизни ты меня, Правдинъ, призвалъ опять!
Я твой должникъ, и долгъ клянусь отдать.
Змѣянова безчестность обнаружу,
И все отдать принужу,
Что завѣщалъ мнѣ дѣдъ.
Не судъ рѣшитъ нашъ споръ, а мѣткій пистолетъ.«

Напрасно отъ того отвлечь Правдинъ старался;
Мечинскій при своемъ остался,
И съ другомъ не простясь, недѣли черезъ двѣ
Въ кибитку сѣлъ и полетѣлъ къ Москвѣ.

VIII. ГЕОРГІЕВСКІЙ КАВАЛЕРЪ.

Въ той части города, гдѣ древній виденъ Храмъ,
Напоминающій съ побѣдой подъ Полтавой
Петра Великаго, увѣнчаннаго славой,
Былъ домикъ въ переулкѣ. Тамъ,

Семействомъ окруженъ, жилъ старичекъ почтенный:
Андрей Ильичь, Полковникъ отставной,
И дядя Правдина родной.
Георгій, кровью заслуженный,
Грудь украшалъ его. Онъ честный былъ бѣднякъ,
Однимъ кормился пенсіономъ,
И съ роду не бывалъ ни у кого съ поклономъ.

Сначала былъ Правдинъ морякъ.
При Сціо въ битвѣ онъ послѣдній въ ботъ спустился
Съ пылающаго корабля,
И сѣлъ спокойно у руля.
И черный валъ отъ веселъ заскрупился.
Обхваченный огнемъ, корабль дымился,
И вдругъ взлетѣлъ! На днѣ содрогнулась земля!
Взвился столпъ огненный, гулъ грянулъ отдаленный!
Кипя, отхлынулъ валъ, какъ будто устрашенный,
И побѣжалъ огромною стѣной!
Сожженъ корабль у Адмирала,
И храбрость Россіянъ сильнѣе запылала!
И Оттоманскій флотъ исчезнулъ подъ Чесмой!

Съ морей шагнулъ Правдинъ на горы.
Во слѣдъ Суворову неслись Россіи взоры!

Занимились высоты Альпійскія кругомъ
Густыми тучами. Въ нихъ грянулъ бишвы громъ!
Но тучи пронеслись, и на вершинѣ славы
Явился нашъ орелъ двуглавый! *

Охотникъ былъ Правдинъ у комелька
Разсказывать про старые походы.
Любви къ отчизнѣ въ немъ не охладили годы.
Взглянули бъ вы на старика,
Какъ вѣсть сюда пришла о Наваринскомъ бо́ѣ!
Читалъ газету онъ, кипѣло ретивое!
И лишь прочелъ, что Русскій Адмиралъ
Корабль Паши взорвалъ,
Не усидѣлъ старикъ! Ура, кричитъ, побѣда!
Потомъ предъ образомъ поклоны класть онъ сталъ,
И страхъ перепугалъ
За чтеніемъ его вздремавшаго сосѣда.

IX. ДРУГОЙ КАВАЛЕРЪ.

Здѣсь кстати разсказать о братѣ
Двоюродномъ его. Дѣлъ крѣпостныхъ писцомъ

* *Державинъ.*

Сначала онъ служилъ въ Палатѣ,
Секретаремъ въ Судѣ потомъ,
Квартальнымъ послѣ былъ, но наконецъ за справку
Не такъ-то вѣрную, уволенъ былъ въ отставку.
Зацѣпинъ на Пескахъ купилъ изрядный домъ,
На имя кумушки, Маіорши, деревеньку,
И жилъ себѣ тихонько, по маленьку.
На рыльцѣ былъ пушокъ! * Ни слова ужъ о томъ!
Да что жъ и разбирать тутъ строго:
Вездѣ людей съ пушкомъ найдется много.
Лишь одного ему сердечно было жаль:
Въ петличку не дали! Замучила страстишка,
Амбиція! За то дворянскую медаль
Слуга его, искусникъ Гришка,
Такъ хитростно умѣлъ навязывать на фракъ,
Что за Владиміра считалъ медальку всякъ. **
Съ нимъ вмѣстѣ жилъ Повытчикъ Обираловъ,
Который былъ ему съ родни.
Отличный кабинетъ устроили они:
Висѣли по стѣнамъ портреты Генераловъ,
Искуснаго и нѣжнаго рѣзца.

---

* *Крыловъ.*

** *Булгаринъ.*

(Онъ у знакомаго купца
Купилъ ихъ гуртомъ на Толкучемъ.)
Вотъ здѣсь изображенъ Царь-градъ,
Гдѣ ѣдетъ самъ Султанъ со свитой на парадъ;
Потомъ въ лѣсу дремучемъ
Аѳонскій монастырь; потомъ мудрецъ Платонъ;
Потомъ съ лежащею Венерой Купидонъ,
И нѣсколько еще картинъ. А надъ софою
Портретъ Великаго Петра
Плѣняетъ рамкой золотою;
Еще плѣняетъ взоръ Зацѣпина сестра,
И самъ онъ наконецъ въ мундирѣ, за дѣлами,
Повѣшенъ на стѣнѣ.
На томъ и на другомъ окнѣ,
Какъ башни древняго Кремля, стоятъ рядами
Плоды заботливыхъ хозяина трудовъ:
Бутыли грузныя съ настойкой всѣхъ родовъ.
Въ углу же на столѣ бумагъ и счетовъ связки,
Увеселительныя сказки,
Оракулъ, часословъ, букварь,
Письмовникъ, Адресъ-Календарь,
Овидія Назона превращенья,
Маркиза Г. любовь и похожденья,

Да Юридическій словарь
Покойника Чулкова,
Съ Ключемъ къ отверстью книгъ законовъ, Щербакова.

X. ВДОВА.

Въ сосѣдствѣ съ Правдинымъ Полковникомъ жила
Вдова Маіора Прямикова.
Злословина сама (о диво!) не могла
О ней сказать худаго слова.
Завѣщанный ей мужемъ огородъ
Все составлялъ ея имѣнье,
И скудный приносилъ доходъ,
Который доставалъ едва на прокормленье.
Когда-то и она
Довольствомъ, даже изобильемъ
Была окружена;
Но мужъ ея, болѣзненнымъ безсильемъ
Предъ смертью удрученъ, оставилъ всѣ дѣла.
Межъ тѣмъ родня процессъ съ нимъ завела:
Судили, спорили, рѣшили,
И старика всего лишили.
Одинъ лишь огородъ оставилъ онъ вдовѣ,
Какъ выше сказано, да тяжбы три иль двѣ,

Которыя въ семь лѣтъ, искуствомъ адвоката
Зацѣпина дошли, хромая, до Сената.
Однако же осталося одно
Сокровище вдовѣ несчастной;
Подлунный міръ постылъ ужъ ей давно;
Но жизнь для дочери прекрасной
Ей дорога еще была.
Надежда въ тишинѣ цвѣла
Скромнѣе ландыша, пышнѣе гордой розы. *
Нерѣдко сладостныя слезы
У матери ея лились,
Когда на дочь она невольно любовалась.
Способности ума въ ней рано развились.
Отъ всѣхъ подругъ Надежда отличалась
И прелестью души и прелестью лица.
Любила музыку, словесность и науки;
Въ вечерній часъ не разъ у ихъ крыльца
Концертовъ Фильдовыхъ плѣнительные звуки
Приковывали знатоковъ.
Надежду описать недостаетъ намъ словъ!
При томъ часъ за полночь, и страхъ устали руки.

---

* *Батюшковъ.*

XI. НЕОЖИДАННОЕ ПОСѢЩЕНІЕ.

Ужъ смерклось. На софѣ, въ халатѣ,
Въ рукѣ съ Турецкимъ чубукомъ,
Правдинъ, чтобъ отдохнуть отъ скучныхъ дѣлъ въ Палатѣ,
Карамзина читалъ одиннадцатый томъ;
Потомъ Крылова взялъ; *Дорожные и муха*
Въ трехсотый разъ онъ сталъ читать,
И сталъ въ трехсотый разъ, какъ въ первый, хохотать.
— Пришла, сударь, какая-то старуха. —
Сказалъ ему слуга Андрей,
Лишь выставя лице изъ за дверей.
— Есть, говоритъ, до васъ ей дѣло. —
»Пускай войдетъ.« И вотъ разъ пять перекрестясь
И Правдину пренизко поклонясь,
Приближилась къ нему несмѣло,
Съ повязаннымъ на головѣ платкомъ,
Старуха, въ штофной душегрейкѣ.
— Пахомъ Панфиловичь вамъ, батюшка, знакомъ?
Слыхали, чай, и объ его семейкѣ? —

Правдинъ.

Нѣтъ, бабушка.

Старуха.

Вы ѣздите къ нимъ въ домъ.

Сама я васъ у нихъ видала
И любовалася, какъ съ вами танцовала
Любовь Пахомовна. Не разсердись, отецъ!

Правдинъ.

Да про кого ты мнѣ толкуешь?

Старуха.

Онъ вдовецъ,
Онъ первой гильдіи купецъ,
Пахомъ Панфилычь Богатоновъ.

Тутъ Правдину она съ полдюжины поклоновъ
Отвѣсила и продолжала такъ:
Я знаю, батюшка, что вы большой чудакъ,
Что о женитьбѣ вы и слышать не хотите,
Но вѣрно, глупую, меня не разбраните,
Коли скажу я вамъ....

Правдинъ.

Не говори по пустякамъ.
Напрасно, бабушка, хлопочешь,
И если сватать хочешь,
Такъ очень будетъ плохъ успѣхъ.
Ты вѣрно сваха?

Старуха.

Есть тотъ грѣхъ.
Но ваша милость вѣдь старуху не обидитъ!
Любовь Пахомовна лишь то и спитъ и видитъ,
Чтобъ выйти ей за васъ. Милѣе ты вишь всѣхъ!

Правдинъ.

Сердечно радуюсь.

Старуха.

Она одна лишь дочка,
Наслѣдница всему, осмнадцать только лѣтъ!
Красива, словно маковъ цвѣтъ!
У батюшки накоплена, слышь, бочка
И золота, и серебра,
И жемчугу, и всякаго добра.

Правдинъ въ веселомъ былъ расположеньи духа,
И думалъ, внутренно смѣясь: пусть вретъ старуха.
— А что приданаго? — Спросилъ онъ у нее.

Старуха.

Изъ тонкаго батиста все бѣлье
Съ узорчатыми кружевами;

Турецкихъ дюжина платковъ,
Шесть шалей; двѣсти паръ чулковъ,
А платьямъ счету нѣтъ! Различными шелками
Въ Царь-градѣ вышитыхъ двѣ дюжины ковровъ;
Двѣнадцать паръ серегъ, четыре фермуара,
Склаважъ, три гребня, поясокъ,
Да колецъ и перстней различныхъ сундучекъ.
Литаго серебра четыре самовара;
Для чаю, кофею, золоченый фарфоръ;
Изъ серебра столовый весь приборъ;
Кровать....

— Постой-ка на минутку.
Довольно, вижу я, вещей;
Наличными же что за ней? —
Спросилъ Правдинъ, продлить желая шутку.

Старуха.

Наличныхъ, мой отецъ, сотъ тысячь до восьми!
Возьми, кормилецъ мой, возьми
Любовь Пахомовну! Не упускай ты счастья!
Отецъ ее съ измала баловалъ,
И жениха самой ей выбрать приказалъ.
Тайкомъ кухарка ихъ Настасья

Сказала мнѣ о томъ,
Она жъ отъ горничной все слышала шайкомъ.
Да и про то еще Настасья говорила,
Что барышня тебя, какъ душу, полюбила.

Правдинъ.

Подумаю. Авось мнѣ, какъ нибудь,
Взбредетъ на умъ жениться.
Однако не привыкъ ни въ чемъ я торопиться.

Старуха.

Какъ женишься, меня, кормилецъ, не забудь!

Правдинъ.

Тогда я дамъ тебѣ имперіаловъ двѣсти;
Ну, а теперь, что дать тебѣ за вѣсти?

Старуха.

Раненько, мой отецъ, еще теперь даришь;
Покудова вели хоть тепляго сваришь.

Правдинъ.

Поди и поклонись Андрею.
Смотри жъ! Ты никому не станешь говорить?

Старуха.

Коль разболтаю я, такъ вытолкайте въ шею!

Тутъ поклонясь, пошла колдунья кофе пить.

XII. ВЗМОРЬЕ.

— Конечно мелетъ вздоръ старуха. —
Такъ думаетъ Правдинъ, по комнатѣ ходя.
— Но если же вострýха
Въ меня влюбилась не шуця,
То очень сожалѣю,
Что провертясь часа четыре съ нею,
Ей голову вскружить успѣлъ.
Какъ странно, что тогда засѣлъ
Хитрецкій за игру. Пусть съ нею бы кружился!
Въ ея приданое давно ужъ онъ влюбился.
Она богата, недурна,
Притомъ всему научена;
Хитрецкій человѣкъ разсчетливый, степенный,
И самъ богатъ: могли бъ счастливо жить.
Но я, могу ль ее сравнить
Съ моей Надеждой несравненной!
Давно произнесенъ въ душѣ моей обѣтъ,
И въ мірѣ для меня другой Надежды нѣтъ! —
Въ мечтанья погруженный,
Онъ вышелъ на берегъ, въ свою Скорлупку сѣлъ,
И легкій парусъ заблестѣлъ,
Вечернею зарею освѣщенный.

Уже на взморьѣ челнъ. Спокойна и ясна
Необозримая равнина,
И серебромъ ее осыпала луна.
Блескъ яхонта, алмаза и рубина
Игралъ на влагѣ голубой.
Въ дали холмы и берега синѣлись;
Плылъ пароходъ и за собой
Дымъ черный протянулъ черной;
Какъ лебеди, бѣлѣлись
Судовъ далекихъ паруса;
Полупрозрачная роса
Скрывала моря даль. На дѣвѣ такъ прекрасной
Скрываетъ кисея нарядъ ея атласный.

XIII. ГОСТИ.

Въ Скорлупкѣ по Невѣ плыветъ домой Правдинъ.
На встрѣчу издали несется, пѣня волны,
Красивый катеръ, дамъ и кавалеровъ полный.
Сѣдой какой-то господинъ
Съ осанкой важною кормиломъ управляетъ.
Лаваля садъ ужъ катеръ миновалъ,
И поданъ Правдину съ него платкомъ сигналъ.
Ждетъ на плоту Модестъ. Ужъ долетаетъ

Къ нему размѣрный веселъ шумъ.
Подъѣхали. И кто жъ передъ глазами?
Надежда съ матерью, ихъ кумъ
Андрей Ильичь Правдинъ съ женой и дочерями,
Полковникъ Остряковъ съ супругой молодой,
Маіоръ Храбровъ, въ бостонъ игрокъ задорной,
И Капельмейстеръ полковой
Съ блестящею въ рукѣ волторной.
Да на носу еще на катерѣ сидѣлъ
Чиновникъ иностранныхъ дѣлъ
И Кавалеръ Антонъ Козмичь Проворной.
Всѣ вышли на берегъ, и къ дому Правдина
Идутъ толпою.
Пошло здорованье, любезности рѣкою!
Гостиная освѣщена
Пріятнымъ блескомъ лампъ. Вкругъ самовара
Составился вѣнокъ изъ женщинъ и дѣвицъ.
У флигеля одна засѣла пара;
Подъ креслами ворчитъ досадный шпицъ,
И не даетъ рѣчей изъ устъ разслушать милыхъ.
Засѣли за бостонъ три гостя въ кабинетъ
И наслаждаются. Гори огнемъ весь свѣтъ! *

---

* *Князь Шаховской.*

При звукахъ флигеля унылыхъ,
Надежда пѣніемъ обворожила слухъ.
Отъ восхищенія перехватило духъ
Храброву. Онъ присталъ къ Надеждѣ.
»Сыграемте Дуо! Мы игрывали прежде!«
И пальцы нѣжные ея прелестныхъ рукъ
По бѣлымъ косточкамъ забѣгали проворно.
Понесся изъ окна величественный звукъ,
Сопровождаемый унылою волторной,
И геній Гуммеля спустился съ вышины,
Въ лучахъ серебряныхъ луны.
Блистая легкими крылами,
Онъ медленно леталъ надъ Невскими волнами.

XIV. ФЕЙЕРВЕРКЪ.

Въ восторгѣ сладостномъ внималъ
Правдинъ гармоніи прелестной,
Любуясь изъ окна на видъ окрестный.
Его задумчивость ракеты трескъ прервалъ.
— Сегодня на Крестовскомъ балъ. —
Сказалъ Храбровъ. — Трактиръ горитъ весь въ плошкахъ.
Ба! Свѣчи Римскія! Взгляните, какъ красивъ
Ихъ блескъ и радужный отливъ. —

Усѣлись дамы на окошкахъ,
Смотрѣть на фейерверкъ. Мы между тѣмъ съ тобой
Отправимся, любезнѣйшій читатель,
На берегъ погулять другой.
Зацѣпинъ и его пріятель,
Хитрецкій, тамъ давно подъ сосною густой,
У столика, за пуншемъ засѣдаютъ.
Подслушаемъ, о чемъ такъ жарко разсуждаютъ.

Хитрецкій.

Я безъ приданаго возьму!
Я такъ влюбленъ, что самъ себѣ дивлюся,
И если этотъ кладъ достанется ему,
То право застрѣлюся!

Зацѣпинъ.

Мнѣ кажется, что и она
Въ него порядкомъ влюблена.

Хитрецкій.

Все это ничего! Лишь вы мнѣ помогите!
Отъ матери ея вамъ ввѣрены дѣла,
И вы старухою вертите,
Какъ хотите. *

---

* *Дмитріевъ.*

Она свой вѣкъ ужъ отжила;
На ладонъ дышетъ!
Что ни дадите, все подпишетъ!

Зацѣпинъ.

Что жъ этимъ вы намѣрены сказать?

Хитрецкій.

А то, чтобъ дали подписать
Старухѣ завѣщанье,
Въ которомъ былъ бы я назначенъ женихомъ.
Вамъ дочери извѣстно послушанье;
Тогда и дѣло все съ концемъ!
Я десять тысячь вамъ....

Раздался трескъ букета
И заглушилъ дальнѣйшій разговоръ.
Друзья, допивъ свой пуншъ, пошли кататься съ горъ;
Потомъ подъѣхала Хитрецкаго карета:
Съ Зацѣпинымъ въ нее онъ важно сѣлъ,
И ѣхать на Пески велѣлъ.

XV. ОСЕНЬ.

Насталъ Сентябрь. Гулянья опустѣли.
То мелкій сыплетъ дождь, то холодно, то градъ!
Крестовскій, Каменный и Строгонова садъ
Съ Елагинымъ осиротѣли.
Давно ли насъ плѣняла тамъ
Эѳирная одежда дамъ!
Давно ль? Не будетъ и недѣли!
Теперь... Увы! По самымъ тѣмъ мѣстамъ
Нѣтъ ходу безъ калошъ, безъ зонтика, шинели!
Такъ пусто, скучно все! Хоть плачь!
Всѣ потянулись въ городъ съ дачь;
Вдоль Карповки и Черной рѣчки
Закрылись ставни. Блещутъ свѣчки
Въ окошкахъ изрѣдка. Туманно фонари
Лишь отъ дождя на лужахъ пузыри
Да грязь на улицахъ пустынныхъ освѣщаютъ.
И тишина вездѣ! Собаки только лаютъ.
Читатель вѣрно спроситъ насъ:
Зачѣмъ въ столь поздній часъ
И въ дождь его мы затащили
Невѣсть куда?
Насъ лѣшій обошелъ! Вотъ въ чемъ и вся бѣда!

Невольно мы съ дороги своротили;
Возьмемъ извощика и въ городъ поскорѣй!
Торопимся туда не безъ причины:
Полковникъ Остряковъ звалъ на вечеръ гостей;
Жены его Sophie сегодня имянины.
Играетъ музыка. Танцуютъ экосезъ.
Подагринъ, Камергеръ, съ хозяйкой, въ первой парѣ,
Степенно движется. Съ нимъ тутъ же въ рядъ залезъ,
Еще его постарѣй,
Полковникъ отставной,
Тряхнуть рѣшася стариной.
Кто жъ это? Угадайте!...
Андрей Ильичь Правдинъ. Вотъ кто-то со звѣздой,
Вотъ Ротмистръ Виндъ... но сами досчитайте
Всѣхъ остальныхъ.
Какое дѣло намъ до нихъ!
Замѣтимъ только то́, что въ парѣ предпослѣдней
Съ Надеждою Правдинъ, Совѣтникъ, танцовалъ.
Вдругъ осторожно изъ передней
Вошелъ слуга съ запиской въ залъ.
Приказано отдать немедленно, сказалъ,
И подалъ Правдину. Надписано: *Секретно.*
Онъ развернулъ ее и быстро прочиталъ,
И было на лицѣ смущеніе примѣтно.

Въ карманъ записку положивъ,
Онъ снова веселъ сталъ и живъ;
Но вскорѣ грусть опять его преодолѣла.
Надежда на него внимательно смотрѣла;
Во время жъ польскаго спросила у него:
Вы такъ задумчивы! Что съ вами?

Правдинъ.

Ничего.
Такъ! Что-то скучно....

Надежда.

Грусть приходитъ безъ причины
Всегда предъ радостью.

Правдинъ.

Дай Богъ, чтобъ было такъ!...
Вы вѣрно сердитесь, что я, Вандалъ, чудакъ,
Такъ скученъ въ ваши имянины?

Надежда.

Кто сердится на васъ! Но если бы вы были
Не такъ задумчивы, то вѣрно бъ и другихъ
Вы очень тѣмъ развеселили.
Да мало нужды вамъ до нихъ!

Правдинъ.

Какъ, право, вы жестоки!
Я впрочемъ заслужилъ упреки.
Простите! Виноватъ! Я буду веселѣй;
Лишь только бъ котильонъ начался поскорѣй!

Оркестръ усталый, полуспящій,
Давно ужъ проклялъ котильонъ.
Вотъ Графъ Пустовъ, и ловкій и блестящій,
Какъ Бельведерскій Аполлонъ,
Сидитъ съ Венерой Медицейской,
И съ нею провожаетъ онъ
Всѣхъ вальсирующихъ усмѣшкою злодѣйской.
Очки и черные усы
Гусаръ Рубакинъ поправляя,
И съ дамой свѣтскій вздоръ болтая,
Глядитъ украдкой на часы.
Баронъ Леже сидитъ подальше
И сыплетъ фразы Генеральшѣ;
Въ восторгѣ, въ восхищеньи онъ,
Что Генералъ засѣлъ въ бостонъ.
Со всѣми грасами, съ торжественною миной,
Измять боясь галстухъ свой,

Вотъ Камеръ-Юнкеръ Штольцъ летитъ съ Княжной Ириной,
Любуясь внутренно собой.
Онъ думаетъ, что всѣ ему дивятся,
Всѣ внѣ себя отъ ловкости его,
Забывъ, что ѣздятъ всѣ на балы для того,
Чтобъ исключительно собою заниматься,
Чтобы блеснуть, чтобъ посмѣяться,
Посплетничать, пересудить,
И скучный вечеръ такъ убить.

XVI. ГОРЕСТНАЯ ВѢСТЬ.

И возвратясь домой, не думая о снѣ,
Правдинъ наединѣ,
Какъ бы въ жару недуга,
Сто разъ читалъ записку друга,
И прижималъ ее къ устамъ,
Давая волю течь слезамъ.

» Убитъ судьбою я неправой!
Разрушены мои мечты!
Знай, что когда прочтешь сію записку ты,
Мечинскій далеко ужъ будетъ за заставой.
Прощай, мой милый другъ, прощай!

Меня везутъ въ уѣздный городъ дальный.
Тамъ скоро кончу вѣкъ печальный!...
Не упрекай,
Что долгъ тебѣ отдать я средства не имѣю:
Я жизнью жертвовалъ для этого моею;
Въ томъ честію клянусь!... Змѣянову сказалъ
Все, что лишь могъ, на поединокъ звалъ;
Но онъ на все твердилъ: безумство и нелѣпость!
Какъ описать мой гнѣвъ, мою свирѣпость!
Я шпагу обнажилъ — и отвезенъ былъ въ крѣпость.
Онъ рану вылечилъ, какъ слышалъ я потомъ.
Я ужъ сказалъ, къ чему приговоренъ судомъ.
Здѣсь былъ я пораженъ еще ударомъ новымъ:
Она уже за Остряковымъ!
И такъ, я Софьею забытъ!..
Пусть Небо счастіемъ ее благословитъ!...
Но мнѣ напоминаютъ,
Что ужъ пора пуститься въ путь.
Не скрою! Слезы мнѣ писать мѣшаютъ.
Ужъ не увидимся! Прощай! Не позабудь!..«

Сѣлъ на софу Модестъ, и тихо золъ цѣлитель,
Сердецъ тревожныхъ усмиритель, *

* *Гнѣвъ.*

Сонъ сладостный его склонилъ,
И онъ записку уронилъ.

XVII. СОВѢЩАНІЕ.

Зацѣпинъ между тѣмъ за свѣтлымъ самоваромъ,
Въ мундирномъ сюртукѣ засаленомъ и старомъ,
О суетѣ мірской надъ пуншемъ разсуждалъ,
И сравнивалъ земное счастье съ паромъ,
Который носъ его румяный услаждалъ.
Такъ въ размышленія Зацѣпинъ углубился,
Что не замѣтилъ, какъ явился
Хитрецкій передъ нимъ. »Ба! Вы, Архипъ Ильичь?
Не съ неба ли, почтеннѣйшій, свалился?
А мнѣ все въ голову такая лезетъ дичь!
Присядьте-ка. Прикажете ли чаю?
И съ ромомъ, или съ коньякомъ?«
— Нѣтъ-съ! Рѣдко я весьма употребляю,
И лекарь запретилъ притомъ.
Хотѣлось съ вами мнѣ о дѣлѣ
Потолковать.
На прошлой, видите, недѣлѣ
Къ Безстыдину зашелъ я побывать.

Потапъ Потаповичь все боленъ
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ былъ отъ должности уволенъ.
Трубили всѣ тогда: запутался въ дѣлахъ!..
Все вздоръ и клевета! Мнѣ близко все извѣстно.
Какъ можно, чтобы онъ, въ такихъ ужъ бывъ чинахъ,
Рѣшился поступать безчестно!
Подумать даже мнѣ смѣшно!
Открою вамъ, но только подъ секретомъ,
Что прошлымъ еще лѣтомъ
(Онъ мнѣ божился въ томъ) ужъ было рѣшено,
Чтобы ему, въ награду за отставку
И за неправильный позоръ,
Дать должность новую. Ужъ то-то дастъ онъ давку
Пріятелямъ своимъ. Пускай же мелютъ вздоръ
И тѣшатся покуда!
Безстыдину не причинятъ тѣмъ худа.
Извѣстный вамъ Правдинъ пришелъ къ нему тогда жъ,
И тяжкую нанесъ ему и мнѣ обиду.
На поединокъ съ нимъ конечно я не выду...
Возьмите-ка, Тарасъ Антипычь, карандашъ;
Я просьбу вамъ прочту, которую, въ постелѣ,
Потапъ Потаповичь изволилъ сочинить.
Вы дока въ этомъ дѣлѣ!
Не нужно ль что перемѣнить?

Я слогъ немножко поисправилъ,
Да яшей нѣсколько и запятыхъ поставилъ.
Гдѣ жъ эти мелочи его особѣ знать! —
Тутъ просьбу вытащилъ Хитрецкій изъ кармана,
И съ разстановкой * сталъ читать,
Прихлебывая чай изъ синяго стакана.

» Сѣмнадцатаго дня
Сего Іюня, у меня
Знакомецъ старый былъ въ квартирѣ
Что въ номѣре шестомъ у Демута въ Трахтирѣ
Совѣтникъ уголовныхъ дѣлъ
Модѣстъ Петровъ Правдинъ! Тожъ у меня сидѣлъ
Полтавскій Дворянинъ Архипъ Ильинъ Хитрецкій,
Да Вральманъ поданный нѣмецкій
Учить моихъ дѣтей пріехавшій на дняхъ.
Былъ у меня прикащикъ въ дѣревняхъ,
Богданъ фонъ Тринкъ! Какъ слѣдуетъ и чѣсно
Всѣгда служилъ, крестьянамъ былъ отѣцъ
Но къ удивленью всехъ онъ отданъ наконецъ
Подъ судъ! За что — мне неизвѣсно.
Въ палату дѣло перешло!

---

* *Грибоѣдовъ.*

Уведомясь что Тринкъ реченный
Во многомъ яко бы по дѣлу обличенный,
И въ голову ему вошло
Въ палатѣ на меня показывать фальшиво
Чемъ самымъ и обнесъ меня нѣсправедливо.
Сказать по совѣсти просилъ я Правдина
Чемъ участь Тринкова быть можетъ рѣшена?
Хоть я и опставной! но очень неучтиво
Отвѣтилъ, лишь меня во всемъ почти винилъ,
И прѣждевремянно бесъ прозьбы объявилъ
Рѣшенье, кое бы хранить должно бы тайно,
Въ глаза меня обидевъ чрѣзвычайно!
Тутъ господинъ Хитрецкій, заступясь
За чѣсть мою! напоминалъ спокойно
Что такъ-де говорить со мною нѣпристойно!
То онъ Правдинъ разгоречась
И съ нѣприличною отвагой
Угрозы дѣлая рукою и лицемъ,
Забывъ мой чинъ, назвалъ его льстѣцомъ!
Что показать готовъ я подъ присягой
За что и долженъ быть посаженъ подъ арестъ!
Во первыхъ тяшкое нанесши оскорбленье,
А *во вторыхъ* открывъ палатское рѣшенье.
И въ следствіе сего принявъ, въ соображенье

О поединкахъ Манифѣстъ
Сіятѣльнейшій Графъ! Рѣшились бѣспокоить
И милостиво насъ защитой удостоить!
Чтобъ жалоба была разсмотрѣна въ Суде
Какъ следуетъ и гдѣ,
А до взысканія бесчѣстья и уплаты,
Частореченнаго советника палаты
Отъ службы отрѣшивъ подъ Стражу посадить!
И темъ насъ отъ обидъ дальнейшихъ оградить.«

— Изрядно, кажется, написано прошенье?
Какъ ваше мнѣнье,
Тарасъ Антиповичь? — Хитрецкій вопросилъ
Съ улыбкою умильной.

Зацѣпинъ.

Красно написано и сильно!
И если бы притомъ за васъ кто попросилъ,
Такъ ужъ навѣрное на ладъ пошло бы дѣло
И славно бъ нашего пріятеля подъѣло!

Хитрецкій.

И съ этой стороны я мѣръ не упустилъ.
Потапъ Потаповичь хотѣлъ просить начальство:

Совѣтника прошколить за нахальство;
А Домна Ѳокишна мнѣ поручилась въ томъ,
Что неминуемо онъ будетъ подъ судомъ.

Зацѣпинъ.

Кто? Домна Ѳокишна? Что это за особа?
Ужъ не супругаль....

Хитрецкій.

Нѣтъ! Она
Разгулова Поручика жена.
Ужъ мнѣ давнымъ давно они знакомы оба.
Мужъ въ Грузію отправился въ походъ
И тамъ живетъ десятый годъ,
Она же по дѣламъ все здѣсь еще хлопочетъ.
Неужто ничего не слышали объ ней?

Зацѣпинъ.

Нѣтъ, не слыхалъ. Ей, ей!

Хитрецкій.

Да! Домна Ѳокишна ужъ если что захочетъ,
Поставитъ на своемъ. Я думаю и вамъ
Не худо
Съ ней познакомиться. Не женщина, а чудо!

При случаѣ бъ могла помочь вамъ по дѣламъ;
Гадаетъ на бобахъ, все знается съ тузами,
И славится большими чудесами.
Далъ волю полную ей мужъ
Въ недвижимомъ и движимомъ имѣньи,
И у нее уже въ пожизненномъ владѣньи
До тысячи есть душъ.
Пойдемте въ кабинетъ; еще кой-что откроемъ.
Хитеръ Правдинъ, да нѣтъ! Его мы опплели.

Зацѣпинъ.

Пойдемъ и выпьемъ-ка настойки съ звѣробоемъ! *
Обѣдни, чай, ужъ отошли.

XVIII. ВЫГОВОРЪ.

Прошло съ десятокъ дней.
Въ Палату барина отправя, мелъ Андрей
Покои, напѣвая:
»Молодка молодая.«
— Поздравь меня! Я подъ судомъ,
И долженъ распрощаться съ мѣстомъ! —
Войдя, сказалъ Правдинъ. Андрею будто громъ

* *Булгаринъ.*

Отшибъ языкъ. Онъ только жестомъ
Свой ужасъ выразилъ и сталъ съ открытымъ ртомъ.
— Поди ты къ дядюшкѣ скорѣе;
Ко мнѣ его проси.
Да вотъ еще письмо на почту отнеси. —
Правдинъ любилъ въ Андреѣ
Простой и откровенный нравъ,
И позволялъ слугѣ читать нравоученья,
Когда случалося, что баринъ былъ неправъ.
Придя въ себя отъ изумленья,
Спросилъ Андрей:
— Какой безсовѣстный злодѣй
Васъ ввелъ въ бѣду, Модестъ Петровичъ? —
»Еще не знаю я. Навѣрное Ничтовичъ,
Мой давній врагъ. Да впрочемъ я и самъ
Довѣрчивъ былъ и откровененъ слишкомъ.«
— Вотъ то-то вы, сударь! Вѣдь говорилъ я вамъ!
Съ моимъ дряннымъ умишкомъ
Вѣрнѣе васъ смекнулъ, что въ правдѣ проку нѣтъ.
Политикой живетъ весь свѣтъ.
Коль мнѣ не вѣрили, такъ Нѣмцевъ иль Французовъ
Спросили бы. Они умомъ-то запаслись
Побольше насъ. А вы, вы груздемъ назвались;
Такъ, по пословицѣ, извольте лезти въ кузовъ! —

»Поди жъ скорѣй!« Сказалъ Правдинъ.
»Ужъ вижу я свою ошибку.«
И долго онъ, оставшися одинъ,
Съ печальнаго лица не могъ согнать улыбку.

XIX. ОПАСНОСТЬ КРИТИКИ.

Годъ цѣлый пролетѣлъ, но участь Правдина
Была еще не рѣшена.
Тянулися въ Палатѣ справки,
Допросы и очныя ставки,
И дѣло съ каждымъ днемъ лишь въ толщину росло,
А отъ дородности все тише, тише шло.
Пятнадцать разныхъ обвиненій
На Правдина отрыли по дѣламъ,
Благодаря его врагамъ.
Не проходило дня безъ новыхъ притѣсненій.
До крайности дошелъ бы онъ,
Когда бъ не поспѣшилъ на помощь Аполлонъ,
Котораго усердный почитатель,
Рѣзновъ, по счастію былъ Правдину пріятель.
Ихъ дружба началась съ тѣхъ поръ,
Какъ на экзаменѣ Правдинъ прочелъ разборъ
Трагедіи Рѣзнова.

Обиженный поэтъ, не говоря ни слова,
Засѣлъ тихонько въ коридоръ,
И тамъ, собравъ свою всю силу,
Внезапно отсчиталъ Зоилу
Полдюжины пинковъ.
На волоскѣ они ужъ были отъ дуэли,
Но въ карцеръ заперли враговъ,
И заключенъ былъ миръ чрезъ полторы недѣли.
Хоть дружбы не было съ тѣхъ поръ у нихъ большой,
Но, какъ товарища, Правдинъ любилъ душой
Рѣзнова. Часто въ разговорѣ
Картина старины увеселяла ихъ,
И много разъ смѣшилъ до кашля обоихъ
Слогъ Аннинкритики нежданой въ коридорѣ.
Любилъ Рѣзновъ, бродя по островамъ,
Вплоть до ночи болтать и быль и небылицу.
Примѣръ тому ужъ былъ представленъ вамъ:
Вторую зри сей повѣсти страницу.

XX. ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА.

Когда Рѣзновъ узналъ,
Что прежній состу́дентъ и критикъ превосходный
Отъ смерти недалекъ голодной,

Тогда съ находкою поздравя свой журналъ,
Назначилъ Правдина для части переводной
И для критическихъ статей.
Правдинъ издателя снабдилъ большимъ запасомъ,
И хоть давно уже разстался онъ съ Пегасомъ,
Однакожъ всѣхъ своихъ дѣтей,
Сидѣвшихъ въ заперти, между бумагъ старинныхъ,
Ввести рѣшился въ свѣтъ,
И въ образованныхъ гостинныхъ
Любимый скоро сталъ прозаикъ и поэтъ.
Его фамилію лишь странной находили.
Сказать мы вамъ забыли,
Что, помня выговоръ Андрея и совѣтъ,
Употребить обманъ Правдинъ рѣшился,
И съ именемъ Груздя въ печатный міръ явился.
Почти что съ каждымъ днемъ подписчиковъ число
На ихъ журналъ росло.
Былъ внѣ себя Рѣзновъ отъ восхищенья.
Давая Правдину однажды порученья,
Сказалъ ему: »Пересмотри,
Хотя недѣли въ три,
Послѣдняго трехлѣтья всѣ журналы,
И выпиши ошибки всѣ изъ нихъ,
Какъ впрочемъ ни были бы малы.«

Правдинъ.

Къ чему намъ ихъ?

Рѣзновъ.

Какъ недогадливъ ты! Тогда бы всѣ изданья
Намъ удалось, быть можетъ, уронить.

Правдинъ.

Похвальныя желанья!
Однако жъ ты забылъ, что могутъ обвинить
И насъ во многомъ вздорѣ.
Притомъ мнѣ памятенъ тотъ страхъ,
Которымъ критикъ былъ наказанъ въ коридорѣ.
Не лучше ли издать намъ къ Пасхѣ альманахъ?

Рѣзновъ.

Ты издавай! А я слуга покорный!
Я напередъ скажу, что трудъ твой будетъ вздорный:
Пчела и Телеграфъ его разщиплютъ въ пухъ!
Я разхвалю тебя, но пользы будетъ мало.
Нѣтъ! Лучше напередъ, во что бы то ни стало,
Перешибить хлыстомъ обухъ!
Перемѣнить о сихъ журналахъ мнѣнье,
И со свѣту издателей согнать!

Рѣшись! Возьми на часъ терпѣнье: *
Ошибки выпиши. Хоть дюжину бъ набрать
Противу Логики, Грамматики и слога,
И прямо къ цѣли намъ открылась бы дорога.
Вѣдь можно иногда прибавить, переврать....

Правдинъ.

Нѣтъ! Вздоръ затѣялъ ты. Себя лишь мы измучимъ,
Надсадимъ спорнымъ крикомъ грудь,
И всѣмъ читателямъ наскучимъ.

Рѣзновъ.

Вѣдь надобно жъ печатать что нибудь!
Пространно судишь ты! Но впрочемъ кончимъ споры.
Примись за альманахъ; я жъ сяду за разборы.

XXI. АЛЬМАНАХЪ.

Опрывъ ошибки двѣ, пустилъ Рѣзновъ на пробу
Статейку колкую въ журналъ;
Однако же его особу
Копьемъ Полемики сразили на повалъ,
И онъ молчать до случая рѣшился.

---

* *Крыловъ.*

Межъ тѣмъ предъ Пасхой въ свѣтъ и альманахъ явился,
И такъ о немъ Правдинъ къ Рѣзнову написалъ:
»При семъ Пчелы препровождаю нумеръ
И Телеграфъ.
Со мною спорилъ ты; но кто остался правъ?
Немного раненъ я, однако же не умеръ:
Стрѣлами критики я не совсѣмъ убитъ.
Пчела меня хоть кой за что бранитъ,
За многое однакожъ хвалитъ.
Да такъ и быть должно: Пчела хоть и ужалитъ,
Но медъ ея за все вознаградитъ.
И Телеграфъ смягчилъ свой судъ жестокій.
Быть тверду надлежитъ, когда разитъ пороки! *
Вотъ правило его. Но кто же безъ грѣха;
Особенно въ дѣлахъ Литературы?
Таковъ уже законъ натуры.
Статейка обо мнѣ его не такъ лиха;
На ладъ пойдетъ моя работа;
Мой альманахъ читателей найдетъ,
Хоть съ рукъ конечно не пойдетъ,
Какъ въ Англіи романы Вальтеръ-Скотта.
Ахъ, если бъ Русскимъ намъ пришла охота

---

* *Озеровъ.*

Поспорить съ Англіей въ любви
Къ отечественнымъ дарованьямъ,
И къ иноземному врожденная въ крови
Исчезла бъ страсть у насъ: какое поле знаньямъ,
Искуствамъ и трудамъ открылось бы тогда!
Подъ сѣнью благотворной Трона
И подъ щитомъ закона
И села счастіемъ цвѣли бъ и города!

XXII. ССОРА.

Однажды подъ вечеръ, когда Модестъ дремалъ
За корректурными листами,
Рѣзновъ вдругъ въ комнату, какъ бѣшеный, вбѣжалъ
И, дикими взглянувъ на Правдина глазами,
Вскричалъ:
Хоть ты извѣстный трусъ, но другу
Окажешь, думаю, послѣднюю услугу!

Правдинъ.

Ты не въ горячкѣ ли? Что сдѣлалось съ тобой?

Рѣзновъ.

Назначенъ завтра смертный бой!

И хочешь, иль не хочешь,
Ты секундантъ!
Все знаю напередъ, педантъ,
Что ты мнѣ забормочешь!
Прошу свои совѣты поберечь.
Мнѣ иль ему, но должно лечь!

Правдинъ.

Въ часъ добрый, если ты рѣшился непремѣнно.
Однако же меня покуда не брани,
А прежде дѣло объясни.

Рѣзновъ.

Меня обидѣлъ Штольцъ презрѣнный,
И мы стрѣляемся. Полковникъ Остряковъ
Съ нимъ завтра явится на Охту въ пять часовъ.
Я полечу искать иль смерти, или мести!
И если есть въ тебѣ хоть искра чести,
То долженъ ты....

Правдинъ.

Изволь, изволь! Гоновъ!
Я секундантъ. На пистолетахъ что ли
Дерешесь вы?

Рѣзновъ.

Да, милый. Помоги!
Я право вызвалъ противъ воли.
Все дѣло началось съ ноги:
Я Штольцу наступилъ на палецъ въ краковякѣ,
И извиниться не успѣлъ.
Вдругъ онъ ко мнѣ при дамахъ подлетѣлъ
И колкость отпустилъ. Однако забіякѣ
Присѣкъ я злой языкъ, какъ разъ!
Въ словахъ забыли оба мѣру;
Какому-то пришла охота Офицеру
Мирить и раззадорить насъ,
И мы назначили оружіе и часъ.

Правдинъ.

Чьи будутъ пистолеты?

Рѣзновъ.

Хотѣлъ доставить Остряковъ.
Просилъ тебя зайти къ нему на пару словъ.
Для насъ и доктора я нанялъ двѣ кареты.
Ахъ, какъ здѣсь холодно!

Правдинъ.

Ты впрямъ дрожишь какъ листъ,
А кажется такой горячій дуелистъ.

Рѣзновъ.

Нѣтъ право холодно. Ты думаешь, что трушу?
Нѣтъ! Мнѣ неробкую дала природа душу!
Какъ я озябъ! Чего? Что ты сказалъ?

Правдинъ.

Тебѣ послышалось. Я рта не раскрывалъ.

Настала ночь. Рѣзновъ въ постелѣ, съ боку на бокъ
Вертясь, не могъ заснуть никакъ.
Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ зябокъ,
А тутъ не помогли ни мѣховой колпакъ,
Ни двѣ медвѣжьи шубы!
Ну такъ и пляшутъ зубы!
Противникъ Штольцъ межъ тѣмъ, усѣвшись на диванъ,
Мадамъ Жанлисъ читалъ романъ, *
И непримѣтно въ сонъ глубокій погрузился;
Но вскорѣ пробудился,
Воскликнувъ: Lieber Gott!
И бросило его въ холодный потъ.

---

* *Пушкинъ.*

XXIII. ПОЕДИНОКЪ.

За Охтой, въ небольшомъ лѣсу,
Всѣ съѣхались въ назначенномъ часу.
Въ восьми шагахъ условились стрѣляться,
И такъ, чтобъ вдругъ спустить курокъ,
Лишь на траву Правдинъ уронитъ свой платокъ.
Ужъ начали приготовляться;
Вотъ секундантами заряженъ пистолетъ,
Вотъ и другой. У бѣднаго Рѣзнова
Въ глазахъ темнѣетъ свѣтъ!
Стоитъ и Штольцъ, не говоря ни слова,
И гладитъ отъ тоски свой бархатный жилетъ.
Зажавъ глаза, Рѣзновъ свой пистолетъ наводитъ;
Навелъ и Штольцъ. Рука такъ ходенемъ и ходитъ!
Вдругъ, падая, платокъ мелькнулъ!
Два выстрѣла! Въ лѣсу раздался гулъ.
Рѣзновъ упалъ — отъ страха,
И оба дали маха!
»Что жъ? Заряжать еще?« Ихъ Остряковъ спросилъ.
»Иль кончить мировою?«
Знакъ отрицательный Штольцъ подалъ головою,
А говорить не могъ за тѣмъ, что прикусилъ
Языкъ; такъ сильно испугался.

Межъ тѣмъ Рѣзновъ съ земли поднялся,
И, чтобы чѣмъ нибудь прикрыть свой стыдъ и срамъ,
У Штольца, подбочась, спросилъ: »Угодно вамъ
Еще стрѣляться?
Вы видѣли, что я запнулся и упалъ,
И такъ не мудрено, что въ васъ я не попалъ.«
Модестъ никакъ не могъ отъ смѣха удержаться,
И, чтобы скрыть его, искать нагнувшись сталъ
Въ травѣ иголки,
Которою заправку прочищалъ.
А глядя на него, весь порохъ сдунулъ съ полки
Захохотавшій Остряковъ.
— Прошу сказать безъ дальнихъ словъ —
Штольцъ, вспыхнувъ, закричалъ — чему вы засмѣялись?
И если мы въ стрѣльбѣ смѣшны вамъ показались,
То не угодно ль вамъ со мной чрезъ пять шаговъ! —
Правдинъ и Остряковъ другъ на друга взглянули.
— Полковникъ! — Штольцъ сказалъ. — Я обѣ вашипули
Вотъ въ это дерево всажу,
И каждый пистолетъ двойными заряжу.
Посмотримъ! Съ храбростью и честью
Кто болѣе знакомъ изъ насъ? —
»Увидимъ это мы тотчасъ!«
Воскликнулъ Остряковъ, пылая гордой местью.

Штольцъ въ сосну выстрѣлилъ, но вся цѣла кора;
Въ травѣ одни пыжи дымятся.
— Ага! Такъ этому изволили смѣяться!
Пуль не было. Забавная жъ игра
Нашъ поединокъ былъ! Но шутка эта даромъ
Вамъ не пройдетъ. Берите пистолетъ. —
»За эту шутку я вамъ долженъ дать отвѣтъ!«
Модестъ такъ началъ съ жаромъ.
»Клянусь, что ни надъ кѣмъ смѣяться не хотѣлъ.
Съ Полковникомъ мы сговорились оба:
Прибѣгнувъ къ хитрости, молчать о ней до гроба.
Лишь мира я искалъ, но худо въ томъ успѣлъ!
Я виноватъ во всемъ, и такъ въ меня стрѣляйте.
Скорѣй! Не размышляйте!
Вотъ пять шаговъ!«

Рвался напрасно Остряковъ
Стрѣляться прежде.
Правдинъ не допускалъ,
Вздохнулъ о дядѣ и Надеждѣ
И противъ пистолета сталъ.
»Стрѣляйте!« Трепетной рукою
Штольцъ мѣтитъ въ сердце Правдина.
Ужъ точка черная видна,

Откуда съ пулей роковою
Огонь и смерть чрезъ мигъ готовы излетѣть.
При видѣ семъ Модестъ не могъ не поблѣднѣть,
И тайную прочелъ въ душѣ молитву.
Струей блеснулъ огонь! Свинца раздался свистъ!
Но маха далъ опять задорный дуелистъ.
»Теперь я разомъ кончу битву.«
Сказалъ Правдинъ, и поднялъ пистолетъ.
Штольцъ неподвижнѣй, чѣмъ скелетъ,
Едва стоять былъ въ силахъ.
Не кровь, а ледъ почувствовалъ онъ въ жилахъ.
Какъ зрѣвшій тѣнь отца Гамлетъ.
Вдругъ выстрѣлъ! Засвистѣли пули!
На Штольца въ страхѣ всѣ взглянули;
Шатнулся онъ. »Убилъ!« Правдинъ сказалъ
И всѣмъ на галку указалъ.
Въ Рѣзновѣ съ радости запрыгали всѣ жилки,
Когда Модестъ успѣлъ всѣхъ къ миру преклонить.
Всегда краснорѣчивъ, кто убѣждаетъ жить! *
И начали пальбу Шампанскаго бутылки.

---

* *Батюшковъ.*

XXIV. ПОХОРОНЫ.

Оконча миромъ смертный бой,
По Охтѣ, вдоль Невы, четыре дуелиста
И Докторъ Шнейдекопфъ, любитель страстный виста
И врагъ здоровья заклятой,
Идутъ веселою толпой.
Сердца Шампанскимъ разогрѣты.
Тихонько три кареты
Въ слѣдъ пѣшеходамъ ѣдутъ въ рядъ,
И, вмѣсто жертвы поединка,
Съ закуской остальной везется въ нихъ корзинка
Да хирургическій снарядъ.
Уже предъ ними зеленѣетъ
Прибрежный Кушелева садъ.
Нечаянно вдали ихъ поражаетъ взглядъ
Цугъ траурныхъ коней. Чернѣетъ
На дрогахъ гробъ; рядъ тянется каретъ,
И факеловъ печальный блещетъ свѣтъ.
Въ мигъ разговоры прекратились;
Рѣзновъ
И Остряковъ,
Вздохнувъ, перекрестились;
Штольцъ плюнулъ раза два.

Привычка эта не нова;
Но до началъ ея столь трудно же добраться,
Какъ мудрено отъ смерти отплеваться.
»Что съ нами сдѣлалось?« Смѣясь, Правдинъ сказалъ.
»Какъ вдругъ всѣ присмирѣли!
Смерть близко насъ была сегодня на дуели,
И всякъ изъ насъ къ ней оказалъ
Презрѣнье.
Откуда же смущенье
Могло бы къ намъ прійти при видѣ похоронъ?«
Тутъ Шнейдекопфъ пустился въ разсужденье,
И, обозрѣвъ предметъ со всѣхъ сторонъ,
Такое вывелъ заключенье,
Что этого не только онъ,
Но Шеллингъ самъ рѣшить не въ силахъ.
Потомъ въ каретѣ онъ, на тощихъ двухъ кобылахъ,
Отправился, глаза сомкнулъ
И уши накрѣпко заткнулъ,
Чтобъ непріятнаго избѣгнуть впечатлѣнья.
Протяжные ужъ слышны звуки пѣнья;
Ужъ близко гробъ; ужъ мимо провезли.
Родные и друзья во слѣдъ печально шли,
И движется потомъ карета за каретой.

Съ печальною картиной этой —
Сказалъ Правдинъ — вся наша жизнь сходна:
Пѣшкомъ ли мы иль въ экипажѣ,
Дороги цѣль всегда одна и таже:
Для всѣхъ кладбища дверь равно отворена!
И каждый шагъ, и каждое мгновенье
Къ ней приближаетъ насъ.
— Чье погребенье? —
Спросилъ Рѣзновъ слугу. »Старуха умерла-съ,
Маіорша Прямикова.«
О чувствахъ Правдина не скажемъ мы ни слова,
И что еще произошло въ тотъ день,
Описывать, признаться, лѣнь! *

Надежда бѣдная одна осталась въ мірѣ.
Забытую родней Андрей Ильичь призрѣлъ,
И непремѣнно захотѣлъ,
Чтобъ Надя крестница жила въ его квартирѣ.
Послѣднихъ крохъ своихъ Полковникъ не жалѣлъ,
И все употреблялъ старанье и умѣнье,
Чтобъ грустной сиротѣ доставить утѣшенье.

---

* *Дмитріевъ.*

Старикъ! Есть кто-то въ небесахъ!
Онъ добрыхъ дѣлъ во вѣки не забудетъ,
И тотъ, кто миловалъ, помилованъ Имъ будетъ.
Все прочее пройдетъ, какъ суета и прахъ!

XXV. ВЕСНА.

Святая близилась недѣля;
Ужъ наступили дни пріятнаго Апрѣля;
Нева очистилась отъ льда,
И понеслись по ней и лодки и суда.
Луга въ садахъ зазеленѣли,
Растаялъ бѣлый ихъ покровъ,
И тысячи цвѣтовъ
На шляпкахъ Невскаго проспекта запестрѣли.
У Правдина въ теченіе недѣли
Весь разошелся альманахъ,
И заблисталъ сперва въ ученыхъ кабинетахъ,
Потомъ въ гостинныхъ на столахъ,
И наконецъ (о честь!) на дамскихъ туалетахъ.
И смѣлъ пробраться сынъ чернилъ,
Изъ Русскихъ книжныхъ лавокъ,
Въ сіе святилище и шпилекъ и булавокъ,

Румянъ Парижскихъ и бѣлилъ!
Въ сей тайный храмъ богини Моды!
Какъ бы то ни было, бумажникъ Правдина,
Чахоткою страдавшій годы,
Вдругъ разтолстѣлъ, какъ у купца жена.

Издатель, пользуясь погодою пріятной,
Уставъ подъ вечеръ отъ трудовъ,
Пустился въ Екатерингофъ.
Растѣній запахъ ароматный
Былъ въ воздухѣ разлитъ. Покрылася трава
Вечернею росой. Сіялъ, зарей украшенъ,
Край неба. Межъ деревъ, бесѣдокъ, башенъ,
Мелькала моря синева.
Дорожкою уединенной
Модестъ идетъ тихонько, окруженный
Толпой веселыхъ думъ.
И вдругъ походки быстрой шумъ
Онъ слышитъ за собою,
И кто-то сильною рукою
Его остановилъ. Онъ оглянулся. Что жъ?
Въ рукѣ грабителя блистаетъ длинный ножъ,
И къ сердцу Правдина приставленъ.
»Отдай бумажникъ, иль убью!«

Но тростію ударъ такъ ловко былъ направленъ,
Что ножикъ улетѣлъ подъ ближнюю скамью.
Правдинъ, грабителя схватя за обѣ руки,
Связалъ его. »Теперь ты не уйдешь, злодѣй!«
Онъ на колѣна сталъ. — Призри, Господь, дѣтей... —
Рыданья прервали его моленья звуки.
»Кто ты таковъ?« Спросилъ Правдинъ.
— Я Безталановъ, мѣщанинъ,
Одинъ кормилецъ у семейства... —
Опять отъ слезъ онъ говорить не могъ.
»Что довело тебя, несчастный, до злодѣйства?«
— Ахъ! видно за грѣхи меня караетъ Богъ!
Два года ужъ тому, какъ сынъ мой, для торговли,
Отправился въ Москву. Тамъ сдѣлался купцемъ,
И скоро признавать не сталъ меня отцемъ.
Я доставалъ свой хлѣбъ кой-какъ отъ рыбной ловли;
Но слегъ въ постель, и все пошло вверхъ дномъ.
Жена меня оставила вдовцемъ
Съ тремя малыми дѣтями.
Родней, знакомыми, друзьями,
Былъ всѣми брошенъ я.
Чтобъ съ голода не умерла семья,
За двадцать пять процентовъ дали
Мнѣ тысячу въ займы,

А нынѣ требовать вдругъ капитала стали.
Я убѣжалъ изъ городской тюрьмы.
Три дня мои малютки голодали!
Съ квартиры ихъ долой согнали.
Судите, гдѣ, сударь, была моя душа!...
Послѣдніе имъ отдалъ три гроша,
И на мосту просить оставилъ Христаради;
Самъ побѣжалъ сюда. Казалось мнѣ, что сзади
Ужъ настигаютъ сторожа.
Остались у меня большіе три ножа;
Прохожему два продалъ за полтину,
И вышелъ за городъ. Хотѣлъ бѣжать я къ сыну
И здѣсь увидѣлъ васъ... Пусть въ каторгу сошлютъ!
Готовъ на все! Туда мнѣ и дорога!
Но, баринъ! Ради Бога!
Тамъ на мосту меня вѣдь трое ждутъ!
Когда меня въ тюрьму сдадите,
Вы вѣрно что нибудь сироткамъ подадите.... —
Онъ горько зарыдалъ.

Правдинъ.

Кто далъ тебѣ въ займы?

Безталановъ.

Купецъ извѣстный Богатоновъ.

Довелъ онъ многихъ до сумы;
Самъ нажилъ восемь милліоновъ.

Правдинъ.

Я съ нимъ знакомъ.
Пойдемъ теперь въ мой домъ;
Ты у меня съ дѣтьми ночуешь; завтра жъ рано
Со мною явишься въ тюрьму,
И если нѣтъ въ твоихъ словахъ обмана,
То я тебя возьму
Оттуда на поруки.
Авось уплатимъ долгъ.

Тутъ несчастливцу руки
Немедля развязалъ Правдинъ.
Упалъ къ ногамъ его безмолвно мѣщанинъ....
Гдѣ краски для такихъ картинъ!

XXVI. ТРІУМВИРАТЪ.

Хоть многіе, смѣясь, плечами пожимали,
Но бѣдняка Модестъ взялъ въ домъ свой изъ тюрьмы.
Освободителя подпиской обязали
Въ уплатѣ взятаго въ займы.

Дѣтей несчастнаго онъ отдалъ въ домъ призрѣнья,
И къ Богатонову пошелъ для объясненья.
Сидѣло нѣсколько въ гостинной толстыхъ дамъ,
Играющихъ въ лото. Курносая мадамъ
Чувствительный романъ въ кругу дѣвицъ читала.
Любовь Пахомовна украдкою зѣвала;
Но, неожиданно увидя Правдина,
Примѣтно ожила она,
И щеки краской запылали.

Богатонова.

Какъ вы давно
У насъ ужъ не бывали!
Ну право вамъ грѣшно!

Правдинъ.

Я много виноватъ предъ вами.
Все занятъ былъ дѣлами.
Здоровъ ли батюшка?

Богатонова.

Здоровъ, но на бѣду
Свихнулъ онъ ногу въ коридорѣ.
Онъ, кажется, теперь въ конторѣ.
Угодно ль? Васъ туда сведу.

Правдинъ.

Помилуйте! Я самъ найду
Туда дорогу.

Богатонова.

Нѣтъ, я боюсь. Свихнете тоже ногу.
Вы не повѣрите, какъ теменъ коридоръ.

— Ма chère, ты мелешь вздоръ. —
Сказалъ ей на ухо ея ровесникъ дядя,
На Правдина спесиво глядя.
Онъ равнаго себѣ въ достоинствахъ не зналъ;
Въ наслѣдство получилъ изрядное имѣнье,
Со знатными въ бостонъ игралъ,
Кадриль Французскій танцовалъ,
Парижское имѣлъ произношенье
И по послѣднему журналу сшитый фракъ.
Въ томъ заключалось все Мошнова просвѣщенье.
Былъ славенъ на бѣгу его гнѣдой рысакъ.
Съ какою важностью, въ саняхъ, въ собольей шубѣ,
Ѣзжалъ на немъ Мошновъ. На балахъ, свадьбахъ, въ клубѣ
И въ Красномъ кабачкѣ онъ сталъ необходимъ;
Тянулъ Шампанское, глоталъ табачный дымъ,
И шутокъ площадныхъ былъ записной разскащикъ;

Дѣлами же его завѣдывалъ прикащикъ.
Но чтобы отразить за лѣнь свою укоръ,
Чтобъ изумить гостиный дворъ,
Учености своей онъ выставилъ образчикъ
И водевиль скропалъ: *Дорожные и воръ.*

Любовь Пахомовна, сердитый брося взоръ
На Ментора ея, Мошнова,
Звала усердно гостя снова:
Идти за нею въ коридоръ.
Вдругъ двери настежъ отворились;
Со свѣчкой шелъ впередъ лакей,
И двѣ за нимъ фигуры появились:
Эмблемма бочки и кащей.
Ужъ въ головѣ у обоихъ шумѣло.
— Ба! Нашъ почтенный другъ! —
Хозяинъ возгласилъ, да такъ, что зазвѣнѣло
У Правдина въ ушахъ. — Знать было недосугъ!
Совсѣмъ меня, Модестъ Петровичъ, позабыли.
Аль разлюбили?
Радъ, напримѣръ, всегда я дорогимъ гостямъ. —

Правдинъ.

За небольшимъ пришелъ я дѣломъ къ вамъ.

Богатоновъ.

Провалъ возьми дѣла! Опослѣ потолкуемъ.
Гей! Молодецъ! Подай бутылку намъ.
Ужъ вотъ винцо! Рекомендуемъ!
Въ Парижѣ, напримѣръ, такого нѣтъ!...
Куда жъ торопитесь, мой дорогой сосѣдъ?

Такъ обратился онъ къ кащею,
Который кланялся, вытягивая шею.

Иностранецъ.

Кружитъ голофъ. Ви pardonnez moi!

Богатоновъ.

Еще бутылочку мы выпьемъ анъ труа!

Иностранецъ.

То есь тріумвиратъ вамъ кочитъ непримѣнно.

Богатоновъ.

Да, да! Бутылочку, почтенный
И дорогой сосѣдъ.

Они вошли всѣ трое въ кабинетъ.

XXVII. ХОДАТАЙСТВО.

Хотите ль знать: кто этотъ иностранецъ?
Полуфранцузъ, полуиталіанецъ,
На слово честное Баронъ,
Болтали, что служилъ онъ встарь оффиціантомъ;
Но это ложь. На Русь явился онъ
Барономъ - эмигрантомъ.
Иные жъ говорятъ:
На родинѣ онъ былъ доносщикъ и лжесвятъ,
Поборникъ жаркій Езуитовъ.
По сердцу могъ бы онъ главою быть бандитовъ;
Но хитрый льстецъ и лицемѣръ,
Начавши поприще съ переднихъ,
Въ гостиныхъ скоро сталъ не изъ послѣднихъ.

— Какое, напримѣръ,
У васъ, Модестъ Петровичь, дѣло? —
Бутылку нюхая пустую, вопросилъ
Хозяинъ Правдина. Учтиво и несмѣло
Онъ цѣль ему прихода объяснилъ,
Прося, чтобъ взыскивать онъ долгъ повременилъ.

Богатоновъ.

Я дѣлать радъ добро; но право надоѣло
Еще отсрочивать. Пусть посидитъ въ тюрьмѣ.

Иностранецъ.

Правда, што добрый душъ весьма поквальна, mais
Не долженъ снисхождать такой, какъ Безпаляновъ;
Онъ деньгами чужомъ катѣлъ набить кармановъ.

Правдинъ.

Я знаю, что теперь нѣтъ у него гроша,
А если дать ему и время и работу,
То онъ заплатитъ вамъ.

Богатоновъ.

По моему разсчету *
Отсрочки дать нельзя. Хоть, напримѣръ, душа
И добрая во мнѣ; но право невозможно.

Правдинъ.

Уже ль нуждаетесь вы въ суммѣ столь ничтожной?

Иностранецъ.

Ничтожной сумъ тысячь рублей!
Parbleu! Нахаживать нельзя на площадей!
Поквальна, што въ тюрьма ви заперъ Безпаляновъ.

---

* *Грибоѣдовъ.*

Правдинъ.

Онъ бѣденъ. Бѣдность не порокъ.
Я прямо вамъ скажу: поступокъ вашъ жестокъ.
Не грѣхъ сажать въ тюрьму воровъ и шарлатановъ,
Но притѣснять грѣшно несчастныхъ бѣдняковъ.

Иностранецъ.

Въ тюрьма посадятъ за долговъ
Въ Парижа, въ Лондона, во всѣхъ Эйропскихъ страновъ.

Богатоновъ.

Въ Парижѣ! Слышите ль?.. Я очень былъ бы радъ
Отсрочку дать; но не могу, ей Богу!
Я долженъ отправлять большой обозъ въ дорогу,
Притомъ заказанъ мной предорогой окладъ.

Правдинъ.

И думаете вы, что этой жертвой
Вы угодите Небесамъ,
Стѣсняя ближняго, смѣясь его слезамъ.
Ту вѣру называлъ Апостолъ вѣрой мертвой,
Которая чуждалась добрыхъ дѣлъ.

Едва хозяинъ усидѣлъ;
Явились на лицѣ и блѣдность и досада.

Онъ былъ ханжа и суевѣръ;
Но вѣры истинной отрада
Была ему чужда. Боялся онъ лишь ада.

Богатоновъ.

Вы слишкомъ колки, напримѣръ.

Иностранецъ.

Судить на едаковъ манеръ
Очѐнь неосторожна.
Въ чужомъ краяхъ давно системъ безбожна,
И если къ намъ пайдетъ, подпилитъ корня вѣръ,
И революція летаетъ вдрухъ, какъ птицы!

Правдинъ.

Конечно такъ. Добра не жди изъ за границы!
Оттуда перешло худаго много къ намъ.
Пахомъ Панфиловичь, извольте взять; вотъ вамъ
Весь долгъ съ процентами. Простите!
За правду не взыщите.

Тутъ деньги положивъ на столъ,
Правдинъ, разкланявшись, ушелъ.

XXVIII. ВИЗИТЫ.

Въ полночный, молчаливый часъ,
Огонь, какъ молнія блеснувъ, ужъ въ третій разъ
Надъ мрачною Невой со стѣнъ твердыни грянулъ,
И вдругъ колоколовъ раздался всюду звонъ.
Весь Петербургъ отъ сна воспрянулъ.
Рядами плошекъ освѣщенъ
На улицѣ и пѣшеходъ смиренный
И важно ѣдущій владѣлецъ четверни.
Спѣшатъ во Храмъ они;
Сіяетъ онъ, весь блескомъ озаренный!
— Христосъ воскресъ! — Гремитъ согласный хоръ,
И тихой радости у всѣхъ исполненъ взоръ.
Свѣтаетъ; кончилось моленье.
Разсыпался народъ,
И всякій въ домъ, спѣша, идетъ,
Чтобы за долгій постъ пріять вознагражденье.
Обычай на Руси таковъ. *

Являются изъ темныхъ уголковъ
Иль сундука, или комода,
Мундиры статскіе. Во все теченье года

---

* *Хелмицеръ.*

Дня три лишь поблистать имъ рокомъ суждено.
И вотъ уже давно
Въ переднихъ начались различныя явленья.
Всѣ платятъ дань слугамъ за право поздравленья,
Потомъ измаранный подписываютъ листъ,
Гдѣ, по внушенію Минервы,
Кудряво разчеркнулся первый
Ищейкинъ Подканцеляристъ.
На столики, на туалеты,
Визитные билеты
Со всѣхъ сторонъ, какъ градъ,
Летятъ.
Въ богатую кладутъ ихъ вазу
И въ залѣ ставятъ, для показу.
Изъ дома въ домъ, на дворъ съ двора,
По городу и вдоль и поперегъ всѣ рыщутъ.
Большіе прячутся, а маленькіе ищутъ.
(Есть у дѣтей похожая игра.)

»Жаль, что забытъ указъ Великаго Петра!
Подъ судъ бы всѣхъ отдать ослушниковъ закона,
Который запретилъ подъ штрафомъ: по утрамъ,
Для дѣлъ, или поклона,
Приказнымъ ѣздить по дворамъ.«

Такъ размышлялъ Правдинъ въ передней у Министра,
Фамилію свою, съ досадой и трудомъ,
Чертя изтупленнымъ перомъ
Въ концѣ предлиннаго регистра.
Дверь въ сѣни отворя, слуга ему сказалъ:
Васъ проситъ завтра Генералъ
Пожаловать къ нему пораньше, до доклада.
»Меня?« Правдинъ спросилъ.
(Отъ удивленія прошла его досада.)
— Такъ точно; васъ пожаловать просилъ. —

Не зная: ждать добра иль худа,
Правдинъ, задумавшись, оттуда
Поѣхалъ къ дядѣ въ домъ,
Гдѣ всѣ бѣды забылъ, усѣвшись съ кѣмъ-то рядомъ,
За вкуснымъ, праздничнымъ столомъ,
И гдѣ, двухъ милыхъ глазъ обвороженный взглядомъ,
Сосѣдку облилъ онъ нечаянно виномъ.

XXIX. ДОПРОСЫ.

Лишь солнце вышло на востокъ,
Правдинъ, принарядясь, батистовый платокъ
Опрыснувъ раза два духами,

Къ Министру въ дрожкахъ поскакалъ
И твердыми вступилъ шагами
Въ пріемный залъ.
Тамъ, нянча грузные портфели,
Докладчики съ лицемъ таинственнымъ сидѣли;
Но колокольчика серебрянаго звукъ
Всѣхъ поднялъ съ креселъ вдругъ,
И камердинеръ по паркету
Мелькнулъ чрезъ залу къ кабинету;
Вошелъ на цыпочкахъ и, появясь опять,
На Правдина взглянулъ съ лицемъ пріятнымъ
И голосомъ чуть внятнымъ
Проговорилъ: васъ приказалъ позвать.
Модестъ вошелъ. — Садитесь. —
Съ улыбкой ласковой Министръ ему сказалъ.
— Вы вѣрно удивитесь,
Что васъ призвалъ
Я для допроса.
Что скажете вы мнѣ противъ сего доноса? —
Тутъ всталъ Министръ и, подойдя къ окну,
Бумагу взялъ съ него и подалъ Правдину.
Нѣтъ подписи, числа и года,
Написана Французскимъ языкомъ;

Она была у насъ въ рукахъ, для перевода;
Здѣсь сообщимъ его тайкомъ.

»Всегда бывъ подданнымъ примѣрнымъ,
Всегда горя
Къ святынѣ Олтаря
Усердіемъ нелицемѣрнымъ,
Сіятельнѣйшій Графъ, донесть рѣшаюсь Вамъ,
Вамъ, какъ опорѣ твердой Трона,
Какъ исполнителю закона,
О томъ, что слышалъ лично самъ.
Невѣріе примѣтно возрастаетъ
Въ незрѣлыхъ молодыхъ умахъ,
И гибелью всеобщей угрожаетъ.
Всѣхъ благомыслящихъ давно волнуетъ страхъ.
Принять немедля должно мѣры,
Чтобы столповъ не подпилили Вѣры
Ея враги. Изъ нихъ одинъ,
Совѣтникъ отставной Правдинъ,
При мнѣ осмѣлился надъ Вѣрою ругаться,
И надъ усердьемъ къ ней безбожно насмѣхаться.
Я истину сихъ словъ
Присягой подтвердить готовъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ Вамъ однимъ былъ я извѣстенъ.

Законный ходъ въ семъ дѣлѣ неумѣстенъ.
Явяся завтра утромъ къ Вамъ,
Еще бумагу я секретную подамъ.«

Правдинъ.

Противу клеветы позвольте объясненье
Мнѣ вашему Сіятельству подать.

Министръ.

Я васъ призвалъ за тѣмъ. Прошу васъ написать,
Что можете, въ опроверженье.
Садитесь здѣсь къ столу.

За ширмами онъ сѣлъ.

Камердинеръ.

Баронъ Ренаръ, для самыхъ важныхъ дѣлъ.

Министръ.

Проси.

И членъ тріумвирата,
Другъ Богатонова, кащей,
Роль вспомнившій свою доносщика - лжесвята,
Начавъ поклоны отъ дверей,
Министра удивилъ своей спиною гибкой,

И, не замѣтя Правдина,
Вручилъ еще доносъ съ пріятною улыбкой.

Министръ.

Еще на васъ бумага подана.
И противъ этой вы, что можно, напишите.

Модестъ бумагу взялъ. Блѣднѣе полотна
Вдругъ сдѣлался Баронъ.

Ренаръ.

Ви, Графъ, мой извините,
Мой такъ бумага написаль,
Штоби одинъ особа ваша зналь.
Не такъ, то мнѣ назадъ бумага мой дадите.

Министръ.

Нельзя, Баронъ.
Навѣрно вамъ извѣстенъ тотъ законъ,
Который повелѣлъ, чтобъ обвинитель
Объявленъ былъ тому, кого винятъ.
Вы знаете, что я законовъ исполнитель.
Еще скажу, что васъ приговорятъ
Къ тому, чему другаго подвергали,
Когда бы не доказали
Доноса вашего. Не я въ томъ виноватъ.

А! Господинъ Правдинъ, да вы ужъ написали.
Прочтите въ слухъ.

Ренаръ.

Мой въ этотъ дѣло графъ.

Правдинъ.

Позвольте прежде, Графъ,
Чтобы сюда купецъ былъ призванъ Богатоновъ.
Произведя ему допросъ,
Увѣритесь, какъ первый лживъ доносъ.

Ренаръ.

Мой проситъ Государь. Мой не знавалъ законовъ.

Министръ.

Великій Петръ сказалъ, что всѣ должны ихъ знать.
Онъ исключенія не сдѣлалъ для Бароновъ.

Тутъ Богатонова Министръ велѣлъ призвать,
Который, ничего не зная,
За ерофеичемъ спокойно засѣдалъ
И третью чарочку капустой заѣдалъ.
Какъ будто казни ожидая,
Вошелъ онъ въ кабинетъ,

И уронилъ картузъ со страху на паркетъ,
Дрожа всѣмъ тѣломъ.

Правдинъ.

Не правда ли, что я одинъ лишь разъ,
Съ Барономъ видѣлся у васъ?

Богатоновъ.

Когда вы, напримѣръ, пришли ко мнѣ за дѣломъ?
Такъ точно. Образъ снять я со стѣны готовъ!

Правдинъ.

Что вамъ тогда сказалъ я объ окладѣ?

Богатоновъ.

Я точно не упомню словъ.
Пусть мѣста мнѣ не будетъ въ адѣ,
Коли солгу!
Но сколько вспомнить я могу:
Отеческій совѣтъ вы дали,
Чтобъ болѣе добра я ближнему творилъ.
Кажись, что вы, Баронъ, имъ что-то тутъ сказали.

Правдинъ.

Что я еще о Вѣрѣ говорилъ?

Богатоновъ.

Готовъ я, напримѣръ, сквозь землю провалиться!

Ни слова болѣе отъ васъ я не слыхалъ.

Я присягну!

Ренаръ.

Не правда сказивàль.

Богатоновъ.

Вотъ-на! Хоть побожиться!

Обманщикомъ я съ роду не бывалъ.

Правдинъ.

Полковникъ Остряковъ далъ послѣ свадьбы балъ.

Тамъ видѣлся еще я разъ съ Барономъ;

Но болѣе нигдѣ мнѣ не встрѣчался онъ.

Министръ.

Что скажете, Баронъ?

Онъ утвердительнымъ отвѣтствовалъ поклономъ.

Правдинъ.

Баронъ въ другомъ доносѣ правъ.

У Острякова точно, Графъ,

О васъ судилъ я слишкомъ смѣло.

Корыстина вы защитили дѣло,

И я разсерженъ былъ . . .

Министръ.

И по дѣломъ.

Сначала долго заблуждался,

Но все загладилъ я потомъ.

Въ дѣлахъ лишь тотъ не ошибался,

Кто вовсе съ ними не знакомъ.

Второй доносъ я у себя оставлю

Въ воспоминаніе, что ошибался я;

А первый въ судъ сегодня же отправлю.

Баронъ! Вина тутъ не моя.

XXX. НОВАЯ БѢДА.

Такъ кончивъ дѣло объ окладѣ,

Обласканный Министромъ, къ дядѣ

Правдинъ поѣхалъ на обѣдъ,

Не думая ни мало:

Какое новое его тамъ горе ждало.

У всѣхъ почти людей, при видѣ бѣдъ,

Которыхъ сами не боятся,

Во глубинѣ души охота есть смѣяться;

А между тѣмъ у нихъ премрачное лице.

Все это испыталъ Квартальный надъ собою,

Когда Андрей Ильичь, простясь съ дѣтьми, съ женою,
У дома своего, безъ чувства, на крыльцо
Упалъ. Вокругъ него Квартальный суетился,
Ругая непроворныхъ слугъ.
— Меня ведутъ въ тюрьму, мой другъ! —
Сказалъ Андрей Ильичь, съ слезами обнимая
Племянника. — Всѣхъ участь ждетъ такая
Безстыдина порукъ.
Я при займѣ его однажды поручился.
Ты знаешь, какъ онъ жилъ. Онъ вовсе раззорился.
Сто тысячь за него я долженъ заплатить!...
Недолго мнѣ осталось жить!
Что будетъ съ дочерьми и бѣдною женою!
Поди, Модестъ! Какъ можешь, утѣшай!
Онѣ въ отчаяньи. Поди скорѣй! Прощай! —
Съ растерзанной душою
Правдинъ глядѣлъ во слѣдъ ему,
И въ сердцѣ положилъ: я за него въ тюрьму!

XXXI. БЕЗУСПѢШНОСТЬ.

У своего окна, въ вечерній, поздній часъ,
Сидѣлъ Модестъ, въ душѣ съ грызущей мукой.
За дядю своего хотѣлъ онъ быть порукой

И замѣнить его въ тюрьмѣ. Но чтожъ? Отказъ
Объявленъ былъ ему. По справкѣ оказалось,
Что онъ по казуснымъ, открытымъ вновь дѣламъ,
Легко имѣетъ быть въ тюрьму посаженъ самъ.
Въ немъ сердце кровью обливалось
При мысли, что старикъ, его второй отецъ,
Въ темницѣ встрѣтитъ свой конецъ,
Отъ круга удаленъ роднаго.
У Богатонова, Рѣзнова,
У всѣхъ знакомыхъ и друзей
Просилъ онъ помощи. Всѣ ахали, вздыхали
И честью увѣряли,
Что нѣтъ у нихъ свободныхъ ста рублей,
Чтобъ дать въ займы. На благость Провидѣнья
Надежду возложить, всѣ подали совѣтъ,
И думали: старикъ достоинъ сожалѣнья,
А впрочемъ до него намъ вовсе дѣла нѣтъ.
Пускай родня о немъ хлопочетъ,
И платитъ долгъ, какъ хочетъ;
Довольно намъ своихъ хлопотъ!
Дать деньги бѣдняку въ займы — плохой разсчетъ.

XXXII. ПОСЛѢДНІЯ СРЕДСТВА.

Правдинъ весь день и часто ночь трудился,
Все продалъ, что имѣлъ, въ аренду отдалъ домъ
И къ дядѣ на жилой чердакъ переселился.
Чердакъ сей сходенъ былъ съ извѣстнымъ огурцомъ,
Который въ Римѣ росъ. За нужду можно было
Въ него двоимъ, согнувшись, влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть. *
Однообразно и уныло
Шелъ день за днемъ въ семьѣ Андрея Ильича.
Въ тюрьмѣ свиданія несчастныхъ утѣшали.

Сосѣдки Правдина давно ужъ примѣчали,
Что въ верхней комнатѣ всю ночь горитъ свѣча,
И въ чернокнижники Модеста записали.
Но не смотря на то, что часто черный змѣй,
Когда свѣтало,
Таскалъ къ нему мѣшки серебряныхъ рублей,
На выкупъ старика все суммы не ставало.
Въ типографическихъ станахъ
Опять готовился прекрасный альманахъ;
Программа новаго журнала

---

* *Крыловъ.*

Предъ новымъ годомъ вышла въ свѣтъ.
Груздь былъ любимѣйшій прозаикъ и поэтъ;
Посыпались на Груздь подписчики сначала,
Какъ на Данаю дождь. Но къ довершенью бѣдъ,
Въ началѣ года слегъ издатель.
Помогъ въ семъ случаѣ пріятель;
Рѣзновъ изданіе журнала поддержалъ;
И долго слухъ съ тѣхъ поръ по городу носился,
Что Груздь забылъ писать, что Груздь ума лишился.
И Правдина журналъ упалъ.
Волнуемый толпой печальныхъ думъ,
Онъ сталъ задумчивъ и угрюмъ;
Его примѣтно силы
Слабѣли съ каждымъ днемъ;
Онъ быстро шелъ къ дверямъ могилы!
Былъ сходенъ съ брошеннымъ проѣзжими огнемъ,
Который пламенѣлъ въ бореньи съ зимней вьюгой.
Тогда лишь услаждалъ онъ горечь бытія,
Когда летѣлъ мечты въ волшебные края,
Гдѣ жизни спутницей и нѣжною подругой
Онъ милую свою Надежду называлъ.
Какую въ сердце жизнь вливалъ
Ея прелестный взоръ, исполненный участья!

Тогда всѣ горести, несчастья,
Весь міръ счастливецъ забывалъ.

XXXIII. ЗАПИСКА.

Усилья тщетны всѣ, твой близокъ смертный часъ.
Такъ Правдину шепталъ зловѣщій гласъ
Отчаянья. Слабѣло упованье,
И въ сердцѣ множилось страданье.
Разъ у стола, задумчивъ и унылъ,
И слушая, какъ бурный вѣтеръ вылъ,
Предъ полночью писалъ онъ завѣщанье.
Намъ случай списокъ сохранилъ.

»Когда по всей землѣ носилась слава Рима,
И громъ гремѣлъ его побѣдъ;
Когда небесный Свѣтъ
Сіялъ въ стѣнахъ Іерусалима,
Кто былъ ты, предокъ мой?
Ты жилъ, и нѣтъ тебя! Покрыты вѣчной тьмой
Твои мечты, надежды и дѣянья.
И радости твои промчались и страданья.
Гдѣ, между мною и тобой
Тянувшаяся нить тебѣ и мнѣ подобныхъ?

Я вижу слѣдъ ихъ бытія:
Я вижу рядъ крестовъ надгробныхъ.
Туда, гдѣ ты, стремлюсь и я!
Все на землѣ — добыча тлѣнья!
Не облетитъ ста разъ земной вкругъ солнца шаръ,
И всѣ живущія исчезнутъ поколѣнья,
Какъ отъ воздушнаго движенья
Надъ тихою рѣкой росы вечерней паръ.
Пройдутъ мечты и обольщенья,
Промчится дружба и любовь,
И въ сердцѣ пламенномъ оледенѣетъ кровь!
Мечинскій! Ты въ странѣ далекой,
Забытый всѣми, одинокой,
Влачишь печально дни.
О другѣ хоть вздохни,
Какъ вѣсть дойдетъ, что онъ жестокой
Убитъ судьбой.
А ты, родитель мой второй,
Перенеси ударъ въ душѣ твоей высокой...«

И жаркая слеза упала изъ очей.
Онъ пересталъ писать. Вошелъ слуга Андрей.
»Ворожея, что мнѣ на кофеѣ гадала,
Ну помните, что прошлый годъ была,

Записку эту принесла
И вамъ подать сейчасъ же приказала.«

— Отъ глазъ моихъ и день и ночь
Вашъ образъ не уходитъ прочь!
Вы жизнь моя, моя отрада,
Вы у меня давно ужъ на умѣ!
Ахъ какъ была я рада,
Узнавъ, что дядя вашъ въ тюрьмѣ.
Я помогу ему, но съ тѣмъ, чтобы награда
Готова мнѣ была,
И чтобы прежде вамъ я руку отдала.
Приданаго за мной до милліона;
Есть чѣмъ освободить бѣдняжку изъ тюрьмы!
Ужель не тронешься отъ стона
Моей любви? Какъ зажили бы мы!
На жизненномъ пути срывалибъ лишь цвѣточки!
Ахъ! Сжалься надо мной, моя душа, мой другъ!
И мнѣ скорѣй скажи: на вѣкъ я твой супругъ! —

Подписано: *Любовь.* Четыре рядомъ точки
Поставлены потомъ,
И все заключено фигуркою съ крючкомъ.
Внизу прибавлено: Прошу, мой несравненный,
Сію записку сжечь.

Я трепещу! Родитель раздраженный
Захочетъ, можетъ быть, любовь мою пресѣчь;
Но мы, мы поклянемся оба
Другъ друга обожать до гроба!

— Скажи, чтобы назадъ записку отдала. —
Сказалъ Правдинъ Андрею.
»Да ужъ ворожея ушла.
Прикажете бѣжать за нею?
Теперь съ собаками ее не отыскать!
Притомъ ужъ полночь; время спать.
Да что вы скучны такъ? Ложитесь-ка скорѣе!
Вѣдь утро вечера бываетъ мудренѣе.

XXXIV. СВАТЪ.

Въ Любви Пахомовнѣ, какъ въ зеркалѣ, видна
Начитанность чувствительныхъ романовъ,
И больше ничего. Такая кладъ жена
Для низкихъ душъ и для пустыхъ кармановъ.
Несчастенъ тотъ, кому она
Судьбой обречена.
Такъ утромъ размышлялъ Правдинъ. Вдругъ Безталановъ,

Дверь отворя дрожащею рукой
И низко кланяясь, вошелъ несмѣло.

Безталановъ.

Я къ вашей милости пришелъ, кормилецъ мой.

Правдинъ.

А! Здравствуй, братъ! Что скажешь мнѣ?

Безталановъ.

Есть дѣло,
И дѣло важное до васъ.
Любви Пахомовнѣ вы больно приглянулись:
Не вздумаете ль въ добрый часъ?...
Двѣ тетки въ мысляхъ съ ней столкнулись;
Я посланъ къ вамъ отъ нихъ.

Правдинъ.

Нѣтъ, другъ мой, я плохой женихъ;
Я въ гробъ гляжу.

Безталановъ.

Храни васъ Боже!
Вамъ умирать! На что это похоже!
Что это вы, сударь. Нѣтъ! нѣтъ!
Да сохранитъ Господь васъ много, много лѣтъ!
Избави Богъ такой печали!

Правдинъ.

Скажижъ: зачѣмъ прислали
Тебя ко мнѣ?

Безталановъ.

Вотъ видите, сударь: онѣ,
То есть двѣ тетушки, съ отцемъ ужъ толковали,
А дочь расплакалась. И онъ сказалъ: быть такъ!
Хотя Правдинъ бѣднякъ,
Хоть есть женихъ богатый на примѣтѣ,
Но счастье, дочь, твое всего на свѣтѣ
Дороже мнѣ. Вступи съ кѣмъ хочешь въ бракъ;
Отказывать тебѣ я не умѣю.
Дочь бросилась отцу на шею,
А тетушки гонца за мной какъ разъ!
И, разсказавъ мнѣ подъ секретомъ
О всемъ объ этомъ,
Мнѣ поручили сватать васъ,
И принести отвѣтъ въ Субботу;
Нельзя-де отлагать никакъ по ихъ разсчету.
Дай Богъ вамъ здравствовать съ супругой много лѣтъ!

Правдинъ.

Благодарю тебя. Въ Субботу дамъ отвѣтъ.

Безталановъ.

Прощайте, батюшка. Счастливо оставаться!

Правдинъ.

Прощай, мой другъ! — Андрей! Давай мнѣ одѣваться.

XXXV. НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

Едва Правдинъ успѣлъ окончить туалетъ,
Шасть въ двери Богатоновъ.
— По силѣ, напримѣръ, какихъ законовъ —
Онъ возгласилъ — ужъ столько зимъ и лѣтъ
У насъ, Модестъ Петровичъ, не бывали? —

Правдинъ.

Дѣла несносныя мѣшали,
Пахомъ Панфиловичъ. Былъ ими заваленъ!

Богатоновъ.

Аль, напримѣръ, влюбленъ!
Что покраснѣлъ? Мнѣ все извѣстно,
Все мнѣ разсказано, мой нареченный зять.

Правдинъ.

Вы удивляете меня. Мнѣ очень лестно,
Однако...

Богатоновъ.

Дочь ты хочешь взять!
Ну что тутъ за однако!
Къ чему обиняки? Я говорить привыкъ
По Русски: напрямикъ.
Достанетъ, напримѣръ, невсякой
Такой въ сожительницы кладъ.
Обнимемся! Я право очень радъ.

Правдинъ.

Другъ друга мы не понимаемъ, видно;
Навѣрно вамъ разсказано не такъ.

Богатоновъ.

Помилуй! Что ты за чудакъ,
Мой нареченный зять! Ну какъ тебѣ не стыдно!
Ты отъ любви въ чахотку впалъ.
Давнобъ тебѣ по дружбѣ мнѣ открыться!

Правдинъ.

Кто вамъ все это насказалъ?
Я вовсе не хочу жениться.

Богатоновъ.

Вотъ-на! Неужто впрямь въ просакъ
Ввели меня проклятыя трещетки!

Мнѣ сказывала дочь, мнѣ говорили тетки,
А я повѣрилъ имъ, дуракъ.
Ахъ я оселъ! Задамъ же имъ трезвону!
Однако нѣтъ:
Вы вѣрно шутите? Прибавлю къ милліону,
Коль мало вамъ приданаго.

Правдинъ.

Отвѣтъ
Доставлю вамъ въ Субботу.

Богатоновъ.

Ага! Такъ шутите! Послалъ вамъ бѣсъ охоту
Въ такихъ дѣлахъ шутить.
Начнемъ безъ шутокъ говорить,
Любезнѣйшій Модестъ Петровичь.

— Чиновникъ къ вамъ пришелъ Ничтовичь. —
Андрей, войдя, сказалъ.

Богатоновъ.

Все, напримѣръ, дѣла! Чтобъ взялъ ихъ всѣхъ провалъ!
И такъ, пока, прощайте.
Смотрите же! Въ Субботу дайте
Отвѣтъ. Вѣдь экой, право, шутъ!

Въ большое ввелъ меня сомнѣнье.
Однакожъ мнѣ пора; къ обѣду дома ждутъ.
Мое почтенье!

XXXVI. НЕЖДАНЫЙ ГОСТЬ.

Настала наконецъ Суббота роковая.
Правдинъ, жестокую борьбу въ душѣ скрывая,
Измученъ ею, утомленъ,
На жертву тайную и тяжкую рѣшился:
Мысль, что старикъ Правдинъ въ тюрьмѣ еще томился,
Преодолѣла все. Къ Надеждѣ пишетъ онъ.
Холодный потъ съ чела его катился.

»Рѣшась писать къ вамъ въ первый разъ,
Увѣренъ я, что тѣмъ не оскорбляю васъ:
Я принужденъ къ тому, я долженъ изъясниться.
Не стану тратить словъ.
Для счастья вашего я жизнь отдать готовъ!
И съ вами — долженъ разлучиться.
Прощаюсь навсегда съ любимою мечтой!
Я жизни путь пройду не съ той,
Которую мнѣ сердце указало.

Рѣшился я! Во что бы то ни стало,
Я счастья моего цѣной
Куплю для старика свободу и покой.
Казаться буду я веселымъ и спокойнымъ,
И не узнаетъ онъ, какъ жертва мнѣ тяжка.
Пусть я умру любви его достойнымъ!
Уже принадлежитъ другой моя рука.«

Въ глубокое уныньe погруженъ,
Письмо ужъ запечаталъ онъ.
Карета къ дому подъѣзжаетъ;
Вотъ кто-то говоритъ съ Андреемъ на крыльцѣ.
И вдругъ, съ восторгомъ на лицѣ,
Мечинскій въ комнату влетаетъ!...

Писали много мы ужъ на своемъ вѣку;
Изображали мы и радость, и тоску,
Отчаянье, надежду, ожиданья,
Шумъ городовъ и тишину полей.
Всему и всѣмъ отъ насъ достались описанья!
Но нашихъ двухъ друзей нежданый мигъ свиданья
Не описать! Сули хоть тысячу рублей!

XXXVII. ПЕРЕМѢНА ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ.

Когда Аббасъ Мирза напалъ
На Русскія границы,
Мечинскій просьбу въ мигъ послалъ,
И на нее приказъ былъ присланъ изъ столицы,
Чтобы онъ ѣхалъ на войну.
Мечинскій полетѣлъ и прежнюю вину
Омылъ онъ кровію. Былъ саблей раненъ въ шею,
Однакожъ съ знаменемъ, по грудамъ мертвыхъ шѣлъ,
Какъ молнія, влетѣлъ
На вражескую батарею.
И грянуло ура! Ударили въ штыки!
И въ ужасѣ бѣгутъ Персидскіе полки!

Ликуйте Русскіе! Десница Бога съ вами!
Соотчичи! Соединимъ сердца
Въ мольбахъ за родину и нашего Отца!
Прославленъ Русскій Тронъ безсмертными дѣлами!
Нескоро перечислишь ихъ!
Иль нѣтъ! Мы замолчимъ. Исторія не любитъ
(Такъ Карамзинъ сказалъ) именовать живыхъ.
Изъ глубины души крылатый рвется стихъ!
Жаль! Это правило бѣдняжкѣ крылья рубитъ;

На волю выпустить его нельзя никакъ,
Хоть за молчанье насъ и укоряетъ совѣсть:
Куда Исторія, туда должна и повѣсть.
(Куда съ копытомъ конь, туда съ клешней и ракъ.)

Когда умолкли звуки брани,
Мечинскій поскакалъ въ Москву изъ Эривани.
Владиміръ съ бантомъ грудь героя украшалъ;
Еще пожалованъ онъ былъ За храбрость шпагой.
Въ Москвѣ же то нашелъ, чего не ожидалъ.
Змѣяновъ разсудилъ за благо
Изъ области сустъ
На тотъ переселиться свѣтъ,
И всѣ пять тысячь душъ Мечинскому оставилъ.
Слуга Макаръ его отправилъ;
Макаръ Змѣянова слуга любимый былъ,
Но разъ не въ добрый часъ въ печи трубу закрылъ,
Какъ баринъ почивалъ. Онъ умеръ отъ угара.
Не думалъ кончить жизнь онъ отъ руки Макара!
Ложась въ постель, не зналъ:
Какъ онъ надолго засыпалъ!...
Змѣяновъ совѣсти не чуждъ былъ угрызеній,
Но покаяніе на старость отлагалъ.
И все оставилъ онъ! Изъ всѣхъ своихъ имѣній

Одну лишь душу взялъ съ собой
Да цѣпь постыдныхъ дѣлъ и гнусныхъ преступленій!
Нашелъ ли онъ за гробовой доской
Награду добраго: блаженство и покой?
Узналъ ли тамъ, что двадцать лѣтъ онъ ровно
Зло дѣлалъ ближнимъ хладнокровно
И утопалъ въ грязи пороковъ и страстей?
Онъ произвелъ добро лишь смертію своей.
И зноемъ и трудомъ измученный работникъ,
Нежданую услыша вѣсть, вздрогнулъ,
И о душѣ съ мольбой на небеса взглянулъ.
До вкусныхъ соусовъ и рѣдкихъ винъ охотникъ
Отъ сильной горести вздохнулъ,
Примолвивъ: очень жаль! Змѣяновъ насъ оставилъ!
Былъ славной человѣкъ и самыхъ рѣдкихъ правилъ!

И пышно по Москвѣ Змѣянова везли.
Гробъ за заставою крестьяне понесли
Съ благоговѣніемъ и горестнымъ молчаньемъ.
Положенъ былъ въ селѣ у самой церкви онъ,
Могилами отвсюду окруженъ
Людей, которыхъ жизнь наполнилъ онъ страданьемъ.

Когда бы мы понять умѣли:
Какъ кратокъ жизни путь, и какъ внезапно насъ
Постигнуть можетъ смертный часъ,
Навѣрнобъ мы не захотѣли,
Предавшися во власть мучительныхъ страстей,
Химерамъ жертвовать всей жизнію своей.
Уходитъ, мчится жизнь! Не будетъ ей возврата!
Пройдетъ — и навсегда!.. Но тотъ нетщетно жилъ,
Кто Бога всей душой, кто ближняго, какъ брата,
Любилъ.
Простимся съ славою, богатствомъ и друзьями;
Лишь добрыя дѣла послѣдуютъ за нами.
И чаша ключевой воды,
Отъ сердца данная, не потеряетъ мзды.

XXXVIII. НОВОСТЬ.

Мы для того пустились разсуждать,
Чтобъ досыта друзьямъ наговориться дать.
Мечинскій, наконецъ рѣшась проститься съ другомъ,
Ужъ подошелъ къ дверямъ, какъ вдругъ на лѣво кругомъ.

Мечинскій.

Еще тебѣ забылъ сказать, что я женатъ.

Правдинъ.

Ты шутишь?

Мечинскій.

Право нѣтъ!

Правдинъ.

Позволь поздравить, братъ!
Я радъ сердечно!
А Софью позабылъ?

Мечинскій.

Я всей душой ее любилъ.
Да чтожъ? Не горевать же вѣчно.
Ну что за толкъ въ тоскѣ!
Чрезъ мѣсяцъ выбралъ я другую;
Премиленькую, преживую!
Въ уѣздномъ городкѣ,
Куда меня послали,
У Городничаго мы съ нею танцовали,
И вскорѣ у меня явилось на рукѣ
Кольцо. Я дѣйствовалъ рѣшительно и смѣло:
Какъ разъ къ вѣнцу — и въ шляпѣ дѣло! *
Однакожъ ночь давно; ужъ время ѣхать мнѣ;
Пора подумать и о снѣ.

---

* *Князь Вяземскій.*

Смотри же! Завтра ты приди ко мнѣ пораньше,
И мы тебя представимъ Капитаншѣ.

XXXIX. УГОЩЕНІЕ.

Сидя съ женой, за чаемъ, Капитанъ
Персидскій пробовалъ кальянъ,
Когда вошелъ Правдинъ, и, вдругъ взглянувъ на друга,
Подумалъ, что предъ нимъ иль Шахъ или Султанъ:
Ковры плѣняли взоръ, и въ видѣ полукруга
Восточный блещущій диванъ,
Подъ шелковымъ навѣсомъ съ бахрамою,
Манилъ и къ нѣгѣ и къ покою.
Курильницы стояли по угламъ;
Наполненъ воздухъ былъ Азійскимъ ароматомъ;
Хозяинъ же такимъ украшенъ былъ халатомъ,
Какого Шахъ не носитъ самъ.
Непрежде, какъ часу въ десятомъ,
Мечинскій друга отпустилъ,
И прямо ужъ его по Русски угостилъ!
За тостомъ тостъ! До дюжины бутылокъ
Въ теченье дня, онъ съ другомъ осушилъ.
Правдинъ ужъ сталъ просить носилокъ,
И былъ помилованъ, и то съ большимъ трудомъ.

Замученный Шампанскимъ и Токаемъ,
Всю ночь онъ спалъ желѣзнымъ сномъ.
Когда же поутру, за чаемъ,
Съ домашними въ гостиной онъ сидѣлъ,
Вдругъ, въѣхавшихъ на дворъ стукъ дрожекъ загремѣлъ,
И кто жъ на нихъ? Легко воображаемъ
И радость, и восторгъ, и прыганье, и крикъ:
Слѣзъ съ дрожекъ — вѣрить ли глазамъ? — Правдинъ старикъ
И на картину мы завѣсу опускаемъ;
Нашъ къ живописи даръ, ей Богу, невеликъ.

Весь долгъ за старика внесъ тайно до полушки
Мечинскій. Возвратясь домой,
Надѣлъ халатъ любимый свой.
И мягче сдѣлались диванныя подушки,
Вкуснѣй душистый чай, табачный даже дымъ
Ему казался ароматнѣй.
Что сердцу можетъ быть — онъ размышлялъ — пріятнѣй
Добра, которое мы сдѣлали другимъ?
»Что такъ сегодня, Саша, веселъ?«
Жена спросила у него.
— Такъ, другъ мой, ничего.
Обнову я купилъ: три пары модныхъ креселъ. —

XL. ПОДАРОКЪ.

День наступилъ Модеста имянинъ.
Хотя и мастеръ былъ Правдинъ
Въ допросахъ достигать признанья;
Но тщетны были всѣ усилья и старанья!
Онъ зналъ, что другъ его въ бѣдѣ имъ всѣмъ помогъ,
Однакожъ убѣдить никакъ его не могъ:
Признаться въ тайномъ преступленьи.
Мечинскій въ сильномъ лишь остался подозрѣньи.
Слуга Андрей допросъ прервалъ.
— Надежда Павловна поздравить васъ прислала
Съ днемъ Ангела. — Андрей сказалъ.
— И этотъ вамъ отдать бумажникъ приказала. —
Правдинъ, любуяся, бумажникъ развернулъ,
И чтоже въ немъ? Билетъ изъ Банка въ двѣсти тысячь!
Онъ на Мечинскаго взглянулъ.
»Послушай! Шалуна, по чести, стоитъ высѣчь.
Съ Надеждой Павловной составилъ заговоръ?«

Мечинскій.

Прошу покорнѣйше! Еще какой-то вздоръ!
Что выдумалъ еще за штуку!
Признаться! Ты постигъ бѣсить другихъ науку.

Правдинъ.

Возьми билетъ. Онъ твой.
Благодарю тебя душой,
Но не приму.

Мечинскій.

Когда даритъ невѣста?

Правдинъ.

Тутъ право шутки не у мѣста;
Ей негдѣ двухъ сотъ тысячь взять.

Мечинскій.

Могла она занять,
Иль выиграть случилось въ лотерею.

Правдинъ.

Нѣтъ, шутки въ сторону! Возьми билетъ назадъ.

Мечинскій.

Да что ты сѣлъ ко мнѣ на шею!
Я чѣмъ тутъ виноватъ?
Тебѣ вѣдь кладъ,
Не мнѣ достался.

Андрей въ ихъ споръ вмѣшался.
— Я вижу, что билетъ изъ васъ ни одному
Не нуженъ, господа. Пожалуй я возьму;

Не стану спорить по пустому.
Пословицу я помню: даровому
Коню не смотрятъ въ ротъ.
Когда посмотришь на господъ....

Правдинъ.

Молчи!

Андрей.

Молчать легко. Труднѣе правду-матку
Кому нибудь повыше насъ сказать.
Билетъ вамъ спесь мѣшаетъ взять.
Что за капризъ? Вѣдь вамъ даютъ не взятку:
Невѣста васъ даритъ.

Мечинскій.

Браависсимо! Андрей, какъ книга, говоритъ;
Я съ нимъ вполнѣ согласенъ.

Мечинскій началъ хохотать;
Но видя наконецъ, что трудъ его напрасенъ,
Что Правдина нельзя билетъ принудить взять,
Мечинскій вспыхнулъ. »Чтожъ такое!
Иль хочешь ссориться со мной?«

Правдинъ.

Ты заплатилъ уже все должное мнѣ вдвое;
Ты дядю спасъ. Мы разочлись съ тобой.

»Прощай! Незнай меня!« Вскричалъ Мечинскій, топнулъ,
Вскочилъ съ софы и дверью хлопнулъ.
— Бѣги за бѣшенымъ скорѣй! —
Сказалъ Модестъ, а самъ отворотился
Къ окну, чтобъ слезы скрыть. Андрей,
Крестясь отъ радости, во весь опоръ пустился,
На лѣстницѣ запнулся за порогъ,
И бабу сшибъ въ калиткѣ съ ногъ.

XLI. КОНСИЛІУМЪ.

Чрезъ сплетницъ кумушекъ и вѣстовщицъ старухъ,
Къ Хитрецкому дошелъ внезапно слухъ,
Что вечеромъ въ тотъ день, часу въ девятомъ,
Назначенъ Правдина съ Надеждою сговоръ.
Немедля скачетъ онъ во весь опоръ
Къ Зацѣпину. Закутанный халатомъ,
Въ вязеномъ колпакѣ,
И съ палкою бамбуковой въ рукѣ,
Сидитъ Зацѣпинъ на постелѣ.

»Тарасъ Антиповичь! Чтожъ это въ самомъ дѣлѣ?
До коихъ поръ
Вы медлить будете? Сегодня ужъ сговоръ!
Пора бы, кажется, къ Надеждѣ вамъ доставить . . .«
— Прошу меня оставить! —
Зацѣпинъ закричалъ. — Мнѣ право не до васъ!
Чего-съ? Такъ точно! Да-съ!
Ой, страшная какая рожа!
На льва и пѣтуха Индѣйскаго похожа. —
»Что онъ несетъ за дичь?«
Спросилъ Хитрецкій у лакея.
— Ахъ, батюшка Архипъ Ильичь!
Съ утра ужъ началась вся эта ахинея.
Изволилъ, кажется, совсѣмъ сойти съ ума. —

Хитрецкій.

Тарасъ Антиповичь, когда же вы пошлете
Извѣстное письмо?

Зацѣпинъ.

Нѣтъ у меня письма!
Что вы ко мнѣ сегодня пристаете?
Большое горе мнѣ, что вамъ грозитъ тюрьма!
Да съ васъ задѣльцо мнѣ пятьсотъ сорвать нестыдно!

Подите-ка сюда къ окну. Вонъ тамъ залезъ
Подъ дрожки гусь. Вамъ видно ли?

Хитрецкій.

Да, видно.

Зацѣпинъ.

Не испугайтесь: это бѣсъ!
Смотрите! Шею гнетъ ехидной.

Повелъ Зацѣпина Хитрецкій на кровать,
И говоритъ слугѣ: тутъ нечего зѣвать!
Бѣги къ Хандрову ты. Проси его покорно,
Чтобъ онъ собралъ консиліумъ отборной.
Я заплачу.
Слуга немедля побѣжалъ.
Вотъ одолжитъ меня, Хитрецкій разсуждалъ,
Когда недѣли три проколобродитъ
Помѣшанный дуракъ!
Мнѣ безъ него письма не отыскать никакъ,
А время между тѣмъ уходитъ.
Того смотри, что я, какъ ракъ,
Останусь на мѣли! Соперникъ завладѣетъ
Ея рукой! Вся кровь во мнѣ кипитъ
И леденѣетъ!

Вошелъ слуга. — Всѣ будутъ, — говоритъ.
— Честновъ на встрѣчу мнѣ попался
И быть сейчасъ же обѣщался. —
А онъ ужъ тутъ! Пріѣхалъ прежде всѣхъ,
Больнаго посмотрѣлъ и, чуть скрывая смѣхъ,
Хитрецкому сказалъ: вашъ страхъ совсѣмъ напрасенъ;
Кто вамъ наговорилъ, что такъ опасенъ
Почтеннѣйшій вашъ другъ?
Волненье въ немъ и жаръ; причиною жъ испугъ,
Или послѣдствія пріятельской пирушки.
Пустить скорѣй велите кровь,
Да за уши приставить мушки.
Дня черезъ три здоровъ онъ будетъ вновь.
За симъ я вашъ слуга покорный!
Честновъ хотѣлъ идти, Хитрецкій же проворный,
Прощаясь у дверей,
Пять красненькихъ, завернутыхъ въ бумажку,
Кладетъ ему въ фуражку.
— Вы избалуете насъ, право, лекарей. —
Сказалъ Честновъ, подарокъ возвращая.
— Моя услуга вамъ, по чести, небольшая.
Брать должно лишь за трудъ,
А я не написалъ вамъ даже и рецепта.
Хоть и гласятъ communia praecepta:

Бери, когда даютъ;
Но вы меня простите,
Что правиламъ я слѣдую своимъ. —
Кудажъ вы такъ спѣшите?
Хитрецкій повторялъ, раскланиваясь съ нимъ,
И шелъ съ свѣчой впередъ.
На дрожкахъ къ двумъ больнымъ
И бѣднымъ старикамъ Честновъ помчался.
Межъ тѣмъ къ Зацѣпину собрался
Консиліумъ почтенный докторовъ.
Рюбарбъ, Годдемъ, Тодшенкеръ и Хандровъ
Открыли разсужденья.
Годдемъ въ мозгу страшился поврежденья,
И утверждалъ, что черепъ должно снять.
Тодшенкеръ полагалъ, что нѣтъ уже спасенья;
Рюбарбъ же увѣрялъ, что нужно лишь принять
Пять, шесть пилюль его изобрѣтенья.
Латынь лилась рѣкой.
Кричали всѣ: я несогласенъ!
Тѣмъ наконецъ рѣшили, что больной
Весьма опасенъ;
Что надобно его лечить, да и лечить.
Потомъ микстуру прописали;
Всякъ что нибудь свое въ рецептъ велѣлъ включить;

Потомъ, что слѣдовало, взяли,
Пошли искать своихъ каретъ,
И всѣ разъѣхались. Тѣмъ кончился совѣтъ.

XLII. ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

И пущенная кровь, и мушки, и микстура,
А пуще крѣпкая Зацѣпина натура,
Ему въ болѣзни помогли.
Онъ спалъ спокойно ночь; съ разсвѣтомъ же пришли
Врачи, по обѣщанью.
Пульсъ важно щупали, смотрѣли на языкъ,
И согласились всѣ, что жаръ еще великъ.
Хитрецкій новой данью
Былъ принужденъ карманъ свой обложить,
И лишь ушли они, то всѣхъ благодарить
Послалъ слугу за ихъ труды и попеченье,
И всѣмъ велѣлъ сказать, что другъ его здоровъ.
Онъ понялъ, что леченье,
Консиліума докторовъ
Введетъ его карманъ въ большое истощенье.

Хитрецкій съ радости едва не заплясалъ,
Когда въ четвертый день не бредилъ ужъ пріятель.

Тебѣжъ навѣрное, читатель,
Хотѣлось бы, чтобъ онъ хворалъ
Еще недѣли три, четыре.
Вотъ до чего дошла ужъ нынѣ злоба въ мірѣ!
Зацѣпинъ въ пятый день совсѣмъ съ постели всталъ.
Межъ тѣмъ Модестъ благополучный,
Съ утра до вечера съ невѣстой неразлучный,
Въ восторгахъ сладостныхъ, въ блаженствѣ утопалъ.
Онъ краткихъ сихъ минутъ не отдалъ бы за царство!
Бѣднякъ не думалъ, не гадалъ:
Какой ударъ во тьмѣ готовило коварство.

XLIII. НАѢЗДНИКИ.

Проснулся лишь Модестъ, и мигомъ прыгъ съ постели.
Надѣвъ халатъ, кричитъ въ окно: Андрей!
Сѣдлай мнѣ Летуна. Проворнѣе! — »Ей, ей,
Вы мнѣ, сударь, ужъ надоѣли!
Ну то и знай проворнѣй да скорѣй!
Нетерпѣливы больно стали!
Давно ли сами повторяли,
Что если поспѣшишь,
То разомъ насмѣшишь.«

— Молчи! Привыкъ, болванъ, копаться!
Проворнѣе сѣдлай
И подавай
Скорѣе одѣваться. —
Съ усмѣшкою сердитой на лицѣ
Слуга стоитъ ужъ на крыльцѣ;
Летунъ бодрится и играетъ,
И повода изъ рукъ Андрея вырываетъ.
Стальными шпорами коня Правдинъ кольнулъ;
Потрясъ онъ гривою, всталъ на дыбы, скакнулъ
И полетѣлъ. Андрей рукой махнулъ.
Летунъ пронесся въ мигъ по Крѣпостному плацу,
Петровскій мостъ ужъ проскакалъ,
И въ Лѣтній садъ, къ Піацу,
Наѣздника примчалъ,
Гдѣ по условію его Мечинскій ждалъ.
Тотъ также на коня, и вмѣстѣ
Объѣхали разъ восемь садъ вокругъ,
Потомъ черезъ Царицынъ лугъ
Пустились въ запуски. Правдинъ отсталъ и вдругъ
Исчезъ. (Отправился къ невѣстѣ.)

Кто любитъ иль любилъ, тотъ знаетъ лучше насъ:
Не говоримъ ужъ день! Какъ скученъ даже часъ,

Не вмѣстѣ съ милой проведенный!
И всякой не шутя влюбленный
Бывалъ не чуждъ ребяческихъ проказъ.

XLIV. БУРЯ.

Почти весь день Модестъ съ невѣстой провождалъ;
То ей читалъ стихи и прозу на балконѣ,
То вмѣстѣ въ легкомъ фаетонѣ
Елагинъ, Каменный, Крестовскій объѣзжалъ;
То съ нею музыкѣ въ часъ вечера внималъ,
Гуляя по деревнѣ Новой;
То съ ней на флигелѣ à quatre mains игралъ.
Но еслибъ гласъ нашъ былъ громовой
И мѣдную имѣли бы мы грудь, *
Не перечислилибъ затѣй двоихъ влюбленныхъ.
Однакоже изъ всѣхъ, преданьемъ сохраненныхъ,
Еще раскажемъ что нибудь.

Разъ вечеромъ въ какой-то праздникъ
На взморье выѣхалъ въ Скорлупкѣ нашъ проказникъ
Съ невѣстою вдвоемъ.

---

* *Лобановъ.*

Вода, какъ зеркало, сіяла;
Надежда правила задумчиво рулемъ,
А веслами любовь слѣпая управляла.
Ужъ берегъ былъ далекъ, какъ вѣтеръ вдругъ подулъ;
Изъ за моря вздымалась туча грозно,
И грянулъ вдалекѣ глухой, громовый гулъ.
Модестъ спѣшитъ къ Невѣ; но поздно!
Шумитъ и пѣнится сердитая волна!
То межъ валовъ Скорлупка исчезаетъ,
То на вершинѣ ихъ сѣдой опять видна.
Весло пучина исторгаетъ
Изъ трепетной руки у Правдина,
И, яростно кипя, возсталъ ужасный,
Девятый валъ! *
Усиліе, искуство — все напрасно!
Какъ на добычу левъ, онъ набѣжалъ!
Вверхъ дномъ Скорлупка! Нѣтъ спасенья!
Ни лодки не видать вблизи, ни корабля,
И далеко земля.
Правдинъ въ отчаяньи шлетъ къ небесамъ моленья;
Надежды станъ обвивъ одной рукой,
Съ волнами борется другой.

---

* *Жуковскій.*

Все нищетно! Измѣняетъ сила,
И юную чету пучина поглотила.

XLV. ПОПРАВКА.

Попали мы въ большой просакъ,
И разсказали вамъ кой-что совсѣмъ не такъ,
Какъ было въ самомъ дѣлѣ.
Вамъ жалко Правдина, а онъ лежитъ въ постелѣ
И спитъ себѣ давно.
Насъ Цеиксъ съ толку сбилъ; что дѣлать! Виноваты!
Мы вмѣсто Цеикса отправили на дно,
Ошибкою, Совѣтника Палаты.
Онъ въѣхалъ ужъ въ Неву, какъ буря началась;
Но и Нева, вся въ пѣнѣ, волновалась.
Скорлупка съ парусомъ стрѣлой по ней неслась!
Надежда улыбалась;
Однакожъ иногда замѣтенъ былъ и страхъ
Въ ея плѣнительныхъ очахъ;
И кормчаго къ плечу тогда она склонялась;
А онъ благодарилъ отъ сердца каждый валъ,
Который робкую сопутницу пугалъ.

XLVI. НОВЫЙ ТЕЗЕЙ.

Зари вечерней лучь на небѣ догоралъ.
Зацѣпинъ въ экарте съ пріятелемъ игралъ.
— Тарасъ Антиповичь! Вы совѣсть потеряли! —
Вбѣжавъ, Хитрецкій закричалъ.
— Забыли вѣрно вы, что честью увѣряли?
Чтожъ это будетъ наконецъ!
Онъ завтра поведетъ ее ужъ подъ вѣнецъ! —
»Такъ чтожъ, почтеннѣйшій? Еще не опоздали.
Ей, ей! Все было недосугъ!
Сегодняжъ кончу все.«
И съ экарте и съ флягой
Разставшись, и кипя вакхической отвагой,
Зацѣпинъ ужъ прошелъ Пески, какъ вдругъ
Упалъ въ глубокую канаву,
Которую копали для трубы.
Кто устоитъ противъ судьбы!
Подвластны всѣ ея желѣзному уставу!...
Зацѣпинъ въ ужасѣ всю память потерялъ;
Уже простился онъ со свѣтомъ,
И тѣмъ раздѣлался съ полетомъ,
Что въ груду мягкую попалъ,
Какъ въ пуховикъ, съ размаха.

Опомнясь отъ страха,
Заплакалъ онъ.
Хмѣль улетѣлъ его, какъ сонъ.
Привсталъ онъ. Охая, хромая
И ничего не понимая,
Пошелъ искать пути изъ Тартара на свѣтъ;
Бродилъ, ошаривалъ, но нѣтъ
Исхода изъ чудесной бездны!
Взглянулъ онъ вверхъ: надъ нимъ сіялъ сводъ неба звѣздный.
— Что за оказія! — Онъ началъ разсуждать.
— Я къ брату шелъ. Такъ! Имянно шелъ къ брату.
Какомужъ сопостату
Здѣсь омутъ вздумалось копать?
Однакожъ тутъ не ночевать!
Мнѣ должно же помочь и вытащить изъ ада! —
Взяла Зацѣпина досада,
И наконецъ онъ басомъ затянулъ:
Гей! Помогите! Караулъ!

Какъ въ древности Ираклъ Тезея изъ Эрева
Освободилъ,
Такъ полицейскій стражъ, отъ холода и гнѣва
Дрожа, къ Зацѣпину веревку опустилъ,
И вытащилъ его. Потомъ Ираклъ Тезея,

(Дабы изслѣдовать: какъ въ адъ онъ могъ попасть?)
По заведенному порядку, не робѣя,
Схватилъ за воротникъ. »Пойдемъ, пойдемъ-ка въ Часть,
Пріятель!«
— Въ умѣ ли ты, Халдей! —
Ударя въ грудь себя, провозгласилъ Тезей.
— Да знаешь ли кто я? Я самъ былъ Надзиратель!
Я отставной Губернскій Секретарь!
Пятнадцать лѣтъ служилъ въ столицѣ!
Бездѣльникъ! Видишь что въ петлицѣ? —
»Ахъ милостивый государь,
Тарасъ Антипычъ! Не взыщите!
Извольте видѣть, какъ темно.
Да я же васъ и не видалъ давно,
Я право не узналъ. Простите!«
— Ну тотожъ, пьяница! Пошелъ! Будь впредь умнѣй! —
Ираклу давъ толчка, потекъ домой Тезей.

XLVII. ПИСЬМО.

Раздался благовѣстъ. Къ обѣднѣ
Идетъ по улицѣ народъ.
Андрей Ильичь былъ съ крестницей въ передней,
Какъ вдругъ Зацѣпинъ въ дверь. Онъ ровно цѣлый годъ

У брата не бывалъ, поссорясь съ нимъ въ бостонѣ.
Обнялся съ Правдинымъ, потомъ
Полѣзъ въ карманъ за роковымъ письмомъ,
И подаетъ его Надеждѣ при поклонѣ.
Гдѣ выраженья мы найдемъ,
Чтобъ описать Надежды чувства вѣрно,
Которыми была поражена,
Какъ подпись матери увидѣла она.
— Растроганъ я безмѣрно! —
Зацѣпинъ брату повторялъ,
А тотъ, какъ вкопаный, стоялъ.
»Дочь милая!« Къ Надеждѣ мать писала.
»Предчувствуя, что та минута ужъ настала,
Когда назначено судьбой
Разстаться мнѣ на вѣкъ съ тобой,
Письмо сіе къ тебѣ я написать велѣла,
И тайно отъ тебя. Мой другъ! Я не хотѣла
Предчувствіемъ моимъ
Страшить тебя заранѣй и напрасно.
Но если я умру, то кѣмъ руководимъ,
Мой Ангелъ, пустишься ты жизни въ путь опасный?
Быть можетъ, горести лишь встрѣтишь ты однѣ!
Скажу тебѣ, что сердце мнѣ
Для счастья твоего внушаетъ:

Тебя Хитрецкій обожаетъ!
Хотя онъ ничего со мной не говорилъ,
Взоръ нѣжной матери однакожъ все открылъ.
(Онъ ничего о семъ письмѣ не знаетъ.)
И если бы я скоро умерла
И подъ вѣнцомъ тебя увидѣть не успѣла,
То знай, мой другъ, что я всегда хотѣла,
Чтобъ за Хитрецкимъ ты была.
Вѣрь! Сердце матери тебѣ не хочетъ зла.
Чрезъ годъ, лишь трауръ конченъ будетъ,
Тарасъ Антиповичь письмо сіе вручитъ.
Дочь воли матери конечно не забудетъ,
И Всеблагій Творецъ тебя благословитъ!«

XLVIII. НИЩІЙ.

День свадьбы отмѣненъ. Надежда объяснила
Въ запискѣ къ Правдину, что счастью ихъ конецъ,
И что другой съ ней станетъ подъ вѣнецъ.
Записку такъ Надежда заключила:
»Мнѣ этого не пережить!
Но не должна я дорожить
И самой жизнію моею!
Есть лучшій міръ. Тамъ матушка! Тамъ съ нею

Забудемъ о землѣ, соединясь опять.
Здѣсь Всеблагій назначилъ мнѣ страдать!
Святой, непостижимой волѣ
Я предаюсь!... Модестъ, прошедшее забудь!
Не думай о Надеждѣ болѣ,
И счастливо пройдешь съ другою жизни путь.
Уѣду скоро я въ Полтаву.
Еще любви моей по праву
Позволь молить тебя, въ послѣдній въ жизни разъ
Перенеси разлуки часъ
Твоей души возвышенной достойно.
Узнавъ, что счастливъ ты, оставлю міръ спокойно.«

Записка сложена трепещущей рукой;
Уже отправлена. Терзающей тоской
Душа Надежды
Была полна;
Но плакать не могла она,
И, бросясь на диванъ, сомкнула вѣжды,
Какъ лилія блѣдна.
Вдругъ къ растворенному ея окну подходитъ
Покрытый рубищемъ старикъ.
— Подайте бѣдному! —
Надежда взоръ возводитъ;

Онъ мутенъ былъ и дикъ.
Видъ жалкій нищаго, его глава сѣдая,
Надежду тронули. И старцу сострадая,
Она ему въ окно вручаетъ кошелекъ.
Покрылъ ея глаза прелестные платокъ,
И слезы духъ ея стѣсненный облегчили.

— Что вижу я! — Старикъ воскликнулъ. — Это вы ли,
Надежда Павловна? Ахъ Боже, Боже мой!
Вглядитеся въ меня. Уже ли позабыли?
У вашей матушки я въ домѣ былъ слугой;
Вы, помню, плакали, какъ баринъ мой, Хипрецкій,
Вдругъ взялъ къ себѣ во дворъ меня.
Лѣтъ шесть я былъ его конторщикъ и дворецкій;
Но дожилъ наконецъ до чернаго я дня! *
Сталъ баринъ гнать меня. Однажды на девятку
Я былъ проигранъ имъ,
И съ новымъ бариномъ моимъ
Дней черезъ пять отправиться въ Камчатку
Былъ принужденъ.
Туда на службу ѣхалъ онъ.
Тамъ черезъ годъ, отъ тяжкаго недуга,

---

* *Пушкинъ.*

Онъ слегъ въ постель,
И долго жить велѣлъ чрезъ нѣсколько недѣль.
Его супруга,
Похороня его, отправилась въ Тамбовъ,
Гдѣ новаго нашла себѣ по сердцу друга.
Я все былъ съ ней. Отъ лѣтъ, отъ горя, отъ трудовъ,
Сталъ наконецъ и дряхлъ и нездоровъ.
Мнѣ дали отпускную,
И я кой-какъ добрелъ сюда,
Одну суму неся пустую.
Какъ сердце билося, когда
Вчера я подходилъ къ заставѣ, на разсвѣтѣ.
Я думалъ, что ужъ мѣстъ мнѣ здѣшнихъ не видать!
Здѣсь то, что было мнѣ всего дороже въ свѣтѣ:
На Охтѣ здѣсь лежатъ жена, отецъ и мать.
Усталъ съ дороги я, однакожъ черезъ силу
Вчера же поспѣшилъ къ родимымъ на могилу. *
Нерѣдко приходилъ туда я горевать,
Когда меня сталъ баринъ гнать.
Богъ знаетъ, чѣмъ я заслужилъ гоненье.
Съ тѣхъ поръ все началось, какъ баринъ приказалъ
Однажды написать письмо иль наставленье,

---

* *Козловъ.*

И клятву взялъ съ меня, чтобъ я о томъ молчалъ.
Знать за письмо попалъ я въ подозрѣнье.

Надежда.

Письмо?... О чемъ письмо? Къ кому?

Старикъ.

Не моему, сударыня, уму
Понять всѣ барскія затѣи.
Я клялся... Нѣтъ, забылъ. Пустыя всѣ дѣла!
Какъ помнится, рѣчь о женитьбѣ шла.

Дрожащею рукой сняла Надежда съ шеи
Цѣпочку съ ключикомъ, шкатулку отперла,
И подаетъ письмо.

Старикъ.

Какъ такъ? Да это мною
Написано! Ей ей, моя рука!
Морочите меня вы что ли старика?

Что было въ этотъ мигъ съ Надеждиной душою?
Задача, кажется, легка;
И Психологомъ быть не надобно глубокимъ,

Чтобъ отгадать: изъ чьихъ очей,
Подъятыхъ къ небесамъ высокимъ,
Бѣжалъ слезъ радостныхъ ручей.

XLIX. УЛИКА.

— Возможно ли! Кумы поддѣлана рука! —
Твердилъ Андрей Ильичь. Лице у старика
Негодованіемъ пылало.
— Ихъ надо проучить, во что бы то ниcтало!
Антонъ! Стань здѣсь за дверь. —
Сказалъ онъ нищему. — Я думаю, теперь
Бездѣльники придутъ ко мнѣ, по обѣщанью.
Я позову тебя. —
За двери нищій сталъ.
Правдинъ широкими шагами мѣрялъ залъ,
И выражалъ свой гнѣвъ угрозами и бранью.
Увидя изъ окна, что гости ужъ идутъ,
Онъ принялъ видъ спокойный.
Такъ лѣтомъ день спокоенъ знойный
До вихря и грозы за нѣсколько минутъ.
»Мое нижайшее почтенье!«
Входя, Зацѣпинъ возгласилъ.

Почувствовавъ въ крови пресильное волненье,
Правдинъ обнялся съ нимъ, и губу закусилъ,
Которая отъ гнѣва задрожала.
Обнявъ Хитрецкаго, Андрей Ильичь изъ зала
Пошелъ въ переднюю, чтобы въ себя прійти,
И между тѣмъ велѣлъ закуску принести.
Поуспокоясь, онъ опять
Вошелъ и началъ толковать
Сначала о погодѣ,
Тамъ о Суворовскомъ поговорилъ походѣ,
И наконецъ съ улыбкой на лицѣ,
Хитрецкому сказалъ: кой-что вы вѣрно знали,
Архипъ Ильичь, о письмецѣ?
Ужъ вѣрно вы съ ножемъ къ моей кумѣ пристали?

Хитрецкій.

Божусь, что ничего незналъ.
Надежду Павловну давно я обожалъ,
Однакожъ даже тайно
Донынѣ никому не говорилъ о томъ,
И пораженъ былъ чрезвычайно
Столь неожиданнымъ письмомъ.

Зацѣпинъ.

За мѣсяцъ, помнится, не больше, до кончины
Старушкою письмо мнѣ было вручено.

Кѣмъ было писано и кѣмъ сочинено —
Немогъ узнать никакъ, и мѣры сей причины
Не объяснила мнѣ она.

Андрей Ильичъ.

Такъ я вамъ объясню! Ты лжешь, какъ Сатана!
Нѣтъ совѣсти въ тебѣ ни крошки!

Правдинъ вскочилъ съ софы. Такъ сильно топнулъ онъ,
Что зазвенѣли всѣ окошки.
»Войди сюда, Антонъ!«
Явленьемъ изъ гробовъ возставшаго скелета
Былъ меньше бы Хитрецкій пораженъ.
Онъ онѣмѣлъ, и своего жилета
Бѣлѣе сталъ.
Зацѣпинъ отъ бѣды въ окошко убѣжалъ.
— Чтожъ плутъ молчишь? Я жду отвѣта!
Прильнулъ языкъ! Нечистой силы сынъ!
Вонъ! — Закричалъ, задохнувшись, Правдинъ.
— Вонъ! Съ глазъ долой, проклятой! —
И съ толстой тростью, суковатой,
Полковникъ внѣ себя, какъ левъ
Разсвирѣпѣвъ,

За трусомъ кинулся. А тотъ не бѣгомъ, лётомъ *
На улицу! Безъ шляпы, безъ души!
И вышибъ изъ руки у мальчика гроши,
Который занятъ былъ съ пирожницей разсчетомъ.

L. КОНЦЕРТЪ.

Межъ тѣмъ Правдинъ письмо Надежды получилъ.
Онъ меньшебъ испыталъ мученья,
Когда бы грудь кинжалъ ему пронзилъ.
Но вдругъ еще письмо. »Прошу для объясненья,
Прійти въ концертъ къ семи часамъ.
Туда поѣду я съ женою;
Надежда Павловна со мною будетъ тамъ.
За симъ имѣю честь покорнымъ быть слугою.
Мечинскій. «
Полный нетерпѣнья,
Модестъ въ концертѣ друга ждетъ;
Не слышитъ онъ ни музыки, ни пѣнья!
Но нѣтъ! Мечинскій все нейдетъ!
Гордясь перчатками и моднымъ чернымъ фракомъ,
Взбивая волосы, идетъ въ передній рядъ

* *Крыловъ.*

За франтомъ франтъ. Очки почти на всякомъ;
Лорнеты у иныхъ блестятъ.
Вотъ новый Прапорщикъ, вчера лишь изъ комода
Извлекшій пару эполетъ,
Которую купилъ до чина за два года,
Плѣняетъ и дивитъ весь свѣтъ.
(А между тѣмъ его никто не примѣчаетъ.)
Здѣсь знатокомъ себя Глупилинъ выставляетъ;
Россини и Моцартъ не сходятъ съ языка!
Играетъ Бемъ; волшебный звукъ смычка
Глупилинымъ раскритикованъ.
Запѣла арію изъ Вольнаго Стрѣлка
Актриса Визгова. Глупилинъ очарованъ!
Хоть пѣніе не стоитъ и гроша,
За то она лицемъ довольно хороша.
Взоръ Правдина къ дверямъ прикованъ;
Чрезъ море пестрое цвѣтовъ
И перьевъ, и кудрей, и шоковъ, и чепцовъ,
На двери смотритъ онъ и ожидаетъ друга.
Его на мигъ разсѣялъ общій смѣхъ.
Изъ Гайдена плѣнила всѣхъ
Отличная и мастерская Фуга.
Передъ концемъ звукъ музыки слабѣлъ,
Какъ бы несясь изъ отдаленья.

Глупилинъ между тѣмъ заснулъ отъ восхищенья,
И такъ подъ музыку храпѣлъ,
Что новый инструментъ услышала вся зала
И разомъ вся захохотала.
Чтобъ скрыть свой грѣхъ, Глупилинъ хлопать сталъ,
И всѣ захлопали. Все съ рукъ сошло невѣждѣ.

Лишь Гуммеля концертъ Морейскій заигралъ,
И Правдину напомнилъ о Надеждѣ,
Она вошла. Онъ рядомъ съ нею сѣлъ
И долго счастію повѣрить не хотѣлъ.

Окончился концертъ. Всѣ встали, зашумѣли;
По лѣстницѣ спускается толпа.
»C'est délicieux! Charmant! Прелестно! N'est-ce pas?«
И вотъ по Невскому кареты загремѣли.

LI. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Разскажемъ въ заключенье вамъ:
Что слышали по разнымъ мы домамъ.

Глупилинъ, справясь о приданомъ,
Любовь Пахомовну всѣмъ сердцемъ полюбилъ,
И бракъ счастливую чету соединилъ.

Глупилинъ зажилъ Паномъ;
Давалъ пиры, ѣлъ сладко, вкусно пилъ; *
Составилъ карточныхъ друзей кружокъ отборный,
И все имѣнье въ годъ — чтожъ дѣлать? Годъ былъ черный! —
Друзьямъ спустилъ.
Жена ушла къ отцу. Безъ дальняго разсчета,
Для зятя заперъ тотъ ворота,
А зять въ отчаяньи, отъ гнѣва и тоски,
Сокрылъ свой стыдъ на днѣ рѣки,
Заброся въ бѣшенствѣ свой перстень обручальный.

Безстыдина зашибъ до смерти параличь,
Когда пришелъ его подъ стражу брать Квартальный.
Почтеннѣйшій Архипъ Ильичь,
Соперникъ Правдина, въ Судъ посланъ Генеральный,
Какъ уличенный плутъ,
И обвиняемый въ какомъ-то преступленьи.
Зацѣпина оставилъ Судъ
Свободнымъ отъ суда, но въ сильномъ подозрѣньи,
И запретилъ имѣть хожденье по дѣламъ.
Съ поклономъ къ землякамъ,
Баронъ Ренаръ, отправясь за границу,
Былъ радъ безъ памяти, что не попалъ въ Сибирь;

---

* *Крыловъ.*

А Домна Ѳокишна сокрылась въ монастырь,
Покинувъ суету и шумную столицу.
— Но гдѣжъ Модестъ? Что съ нимъ? — Вы спросите у нас
Узнаете тотчасъ.

LII. ТОЛКИ.

Разъ у Безстыдина Хитрецкій за бутылкой
Бургонскаго сидѣлъ и сказывалъ ему,
Что Правдина едва не заперли въ тюрьму;
Что расплатился онъ бы ссылкой;
Что дѣло ужъ вошло въ Совѣтъ;
Но Манифестъ помогъ.
— Помилуйте! Нѣтъ, нѣтъ! —
Прервалъ Рѣзновъ. — Я васъ увѣрить смѣю,
Что онъ
Оправданъ былъ, а не прощенъ.
Подробно разсказать вамъ дѣла не умѣю,
Хотя и доставалъ тайкомъ, черезъ писцовъ,
Записку краткую въ четыреста листовъ.
Но знаю вѣрно то, что Правдину на шею
Недавно данъ былъ крестъ по милости Царя.
Дойдетъ, того смотри, до Статсъ-Секретаря!
И какъ въ раю живетъ съ Надеждою своею! —

»Все это слышалъ я не такъ.«
Хитрецкій возразилъ съ язвительной улыбкой,
И, шеей наклоняся гибкой,
Поднесъ Безстыдину Французскій свой табакъ!

Дальнѣйшихъ свѣдѣній мы не могли собрать
Для повѣсти, и сплетницы старухи
Свободно могутъ разглашать
О Правдинѣ невыгодные слухи.
Онъ много ужъ терпѣлъ! Такъ, видно, на роду
Ему написано. Того гляди, бѣду
Опять онъ наживетъ. Стариннымъ талисманомъ,
Терпѣніемъ, отъ зла себя онъ оградитъ.
Слуга Андрей не даромъ же твердитъ:
Терпи Козакъ, и будешь Атаманомъ.

W 24

Deacidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa
Sept — Oct 1967
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS
00025250400